
РУССКАЯ ФАНТАСТИКА
ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ
ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ
Том 1.
Мы чужды ложного стыда!

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

Величья нашего заря. Том 1. Мы чужды ложного стыда!

«Автор»
2014

Звягинцев В.

Величья нашего заря. Том 1. Мы чужды ложного стыда! /
В. Звягинцев — «Автор», 2014 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 978-5-457-65442-6

«Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить», – сказано в одной детской песенке. Так случилось и с операцией «Мальтийский Крест», которая была разработана «Андреевским братством», чтобы объединить и подготовить к противостоянию с любым врагом две России – в двух параллельных реальностях. Но ни Ляхов, ни его соратники пока не чувствуют «особенностей процесса» и не предугадывают возможных ловушек в будущем. В отличие от Дмитрия Воронцова, одного из основателей «Братства», который до последнего времени предпочитал оставаться «над схваткой», обеспечивая надежные тылы своим «коллегам». Однако, видимо, пришло время ему выдвинуться на первый план и взять руководство операцией в свои руки. Неспешно, но расчетливо и непреклонно.

ISBN 978-5-457-65442-6

© Звягинцев В., 2014
© Автор, 2014

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 20
Глава третья 34
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Василий Звягинцев
Величья нашего заря. Том 1.
Мы чужды ложного стыда!

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы ясны и крылаты
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, господи, благослови!

Н. Гумилёв, 1915 г.

© Звягинцев В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава первая

Валентин Лихарев проснулся непривычно рано. Последнее время он обленился и не вставал раньше девяти. Но это тоже в зависимости от того, где он проводил своё довольно никчёмное время. Последние месяцы они с Эвелин жили в Железноводске, на третьей и самой, как бы это получше выразиться, конспиративной из своих кавминводских дач. После всевозможных, в общем-то, нетипичных для здешнего спокойного времени событий Лихарев решил, что неплохо бы иметь место, достаточно уютное и респектабельное, но прилично защищённое, в стиле других, не столь *пасторальных* «параллелей». А то ведь люди, воспитанные несколько иначе, чем здешние аборигены, способны без церемоний пренебрегать «священным правом частной собственности» и вторгаться на территории, ничем более не охраняемые. Как, например, это сделали люди, называвшие себя «друзьями и коллегами», с его пятигорским домовладением[1] два года назад.

Ничего подобного ему впредь допускать не хотелось. Не «братья» его беспокоили, от них по-любому не отбиться и не спрятаться, если займутся всерьёз, а местные «лихие люди» – криминалитет или внезапно спустившиеся с гор абреки. Словно в Средневековье, нужно иметь укреплённое жилище, которое не взять без долгой планомерной осады, на которую случайные налётчики не способны.

И участок подвернулся крайне подходящий, после целенаправленных поисков и стоящих того финансовых вложений. Кусочек леса в полгектара на склоне горы Железной, на полпути к вершине. Здесь не так давно планировалось близкими к губернатору края людьми строительство элитного пансионата, и подъездная дорога уже была проложена, но вот после нескольких приватных *консультаций* идея как-то сразу себя изжила, планы переменились, и никто не стал возражать, когда место без всяких публичных торгов отошло к известному на Водах меценату и вообще авторитетному человеку князю Лихареву.

Всего за одно лето, ударными темпами и с привлечением самых лучших специалистов (даже из Москвы и Петербурга), поместье было готово «под ключ». Дом получился даже скромный по местным меркам, нечто вроде швейцарского «шале» из местного доломита, под крутой черепичной крышей: гостиная и три комнаты внизу, четыре спальни на втором этаже, кабинет хозяина и библиотека в мансарде. Зато с большой крытой верандой, сплошь деревянной, на массивных дубовых подкосах, опасно нависающей над почти отвесным пятидесятиметровым обрывом. А ещё на двести метров ниже простирался уже Курортный парк со всеми его прелестями. Можно было сидеть на веранде за самоваром и, невидимыми снизу, наблюдать *коловращение жизни* на центральном Променаде и прилегающих аллеях, музыку с открытой эстрады Пушкинской галереи слушать.

Остальная территория усадьбы стараниями специалистов по садово-ландшафтным делам превратилась в некую компиляцию дикого горного букового леса, английского парка и японского сада мхов, ручьёв и камней. От случайных или целенаправленно-злонамеренных посетителей поместье ограждал приличной высоты бетонный забор, тщательно камуфлированный под окружающий ландшафт, от чего он становился заметен только на минимальном расстоянии. О дополнительных мерах безопасности, вроде современнейшего аналога старинной колючей проволоки, пущенного не поверх забора, что выглядело бы безвкусно, а вдоль его верхней кромки с внутренней стороны, в сочетании с инфракрасными датчиками, тепловизорами и масс-детекторами, не стоит и говорить. В результате всех трудов и топографических расчётов рассмотреть, что делается на подворье, можно было только через мощную стереотрубу (а

[1] См. «Хлопок одной ладонью».

лучше – телескоп) с некоторых точек на вершине расположенной хоть и напротив, но на порядочном удалении горы Бештау.

Ну и главная, так сказать, «фишка», которой Валентин гордился, – персональная канатно-кресельная дорога, со двора и прямо на специальную площадку неподалёку от дворца эмира Бухарского. Спустился, отправил кресла наверх дистанционным пультом, а решил вернуться – опять вызвал. Очень удобно, причём двигалась подвесная система намного быстрее, чем стандартная. Вниз почти со скоростью свободного падения, вверх – чуть помедленнее.

А по узкой извилистой дороге могла проехать только одна машина, двум не разъехаться: по обочинам такие отбойники, что танком не своротишь. Получилось нечто вроде жёлоба для бобслея. И перекрывался он тоже дистанционно, в нескольких местах.

Лихарев, конечно, понимал, что всё это так, для забавы больше, нормальный горнострелковый взвод легко его дачу штурмом возьмёт или просто из миномётов перепашет так, что отсидевшимся в глубоком подвале придётся, как Паулюсу, из него с поднятыми руками выходить. Но такое – вариант из самых маловероятных, кому тут нужна полномасштабная война с рядовым, в общем-то, хоть и богатым человеком. А кто знает Валентина в его подлинном качестве – вполне в курсе и его реальных способностей и возможностей, осведомлён и о том, что в случае чего ответ его будет адекватным. Но как бы там ни было, чувствовать, что живёшь в крепости и надёжно защищён от превратностей внешнего мира, было приятно. Нет постоянного ощущения, что сидишь ночью в освещённой комнате спиной к незашторенному окну.

Лихарев, не одеваясь, вышел на веранду, откуда открывался великолепный, чем-то слегка тревожный вид на Бештау во всей её утренней красе. От выпавшей росы тщательно отшлифованные дубовые плахи пола были чуть влажными и холодили босые ноги. Лихарев глубоко вдохнул густой воздух, пахнущий совершенно своеобразно – и начинающим желтеть предосенним лесом, и палой, перепревшей прошлогодней листвой под деревьями, и чем-то таким свежим, словно пузырящийся нарзан прямо из скважины в жаркий день. Всё равно слов не хватало, чтобы передать ощущение и впечатление, но этот запах он узнал бы везде и сразу, среди сотен других. Нигде больше не встречал он такого запаха.

Валентин оперся локтями о перила, остановился взглядом на подсвеченной встающим солнцем остроконечной вершине пятиглавой горы напротив.

Из-за её северного отрога на ярко-синее, не успевшее выцвести от солнца утреннее небо выползали белые кучевые облака, громоздящиеся до зенита, а за ними угадывались серо-синие грозовые тучи, обещающие непременно пролиться дождём, сперва коротким и бурным, а потом переходящим в долгий, обложной. Так случалось почти каждый день и стало уже привычным. Такое лето в этом году выпало, в середине августа начавшее ощутимо переходить в осень.

Валентин успел забыть предутренний сон, который, просыпаясь, изо всех сил пытался удержать в памяти, и казалось, что получается. Но нет – утекло, как вода или песок из часов времени, осталось только ощущение чего-то непонятного и беспокоящего. И очень важного. Это тоже было непривычно, сны ему если снились, то яркие, запоминающиеся и в то же время – *нейтральные*, нескучные, но без особого эмоционального заряда.

«Показатель душевного здоровья, – усмехнулся Лихарев, – полная гармония души и тела, даже подсознание себя не проявляет».

Вроде бы так и есть. Жизнь устоялась почти до неприличия. Не такие уж давние попытки вместе с Дайяной вернуться к *политической деятельности* своевременно и достаточно деликатно были пресечены лихими ребятами из «Братства», и ему в *окончательной форме* было предложено угомониться и о своих претензиях на роль «сверхчеловека» забыть, категорически и бесповоротно. Его личная жизнь, мол, никого особенно не интересует, и грех на душу никто брать не собирается, но «в случае чего» вернуть Валентина в тридцать восьмой год про-

блемы не составит. А там товарищ Сталин пусть сам разбирается, как поступить с бывшим, *не оправдавшим доверия* порученцем. Тем более, к его потенциальной *соломенной* вдове[2], Эвелине, большинство женщин испытывают самые тёплые чувства и не хотели бы, чтоб она вновь вернулась к скудной и скучной парижской жизни или шла в содержанки к кому-то из здешних «уважаемых людей»…

Он ведь так и не удосужился узаконить их отношения, и прав на наследство француженка не имеет ни малейших. Придётся ей, как мусульманке, изгнанной мужем, уходить только с тем, что на ней сейчас надето из вещей и драгоценностей. А на его дома и прочее имущество претенденты немедленно найдутся…

Этот довод, к слову, оказался весьма убедительным, воспитан ведь Лихарев был в традициях русской аристократии «серебряного века», и двадцать лет жизни «при большевиках» не успели поколебать его моральных принципов. Поэтому Валентин не только отошёл от всякой «политики», но и немедленно женился, как положено, с венчанием в кисловодской Свято-Никольской церкви, для чего Эвелин предварительно перешла в православие из своего католичества. Сделала она это с удовольствием, и отнюдь не только потому, что это был неизбежный шаг на пути к соединению с человеком, к которому она относилась примерно как мадам Грицацуева к «товарищу Бендеру». Православная обрядность и церковная эстетика увлекли и восхитили совсем недавно весьма секуляризированную[3] профессоршу сами по себе. Что её поначалу как бы даже весьма удивляло, а потом начало удивлять и вызывать сожаление собственное былое католичество. То есть схизма[4].

Вообще если бы кто-то из прежних парижских знакомцев сейчас увидел Эвелин (во крещении Елену) Лихареву, то поразился бы до глубины души. Обрусела она самым категорическим образом. На российских харчах и при местных обычаях поправилась килограммов на десять, если не больше, и стала по-настоящему красивой молодой дамой с положенными формами, не выделяясь субтильностью на фоне женщин своего круга, тех же Майи с Татьяной. По-русски она научилась говорить практически без акцента, лишь с едва заметной картавинкой и не всегда точными интонациями и ударениями. Заодно усвоила принятую в «водяном обществе» стилистику и лексику, а также все подходящие «истинно русской» барыне манеры и привычки. При случае могла и по матушке выразиться, что в её устах звучало крайне пикантно.

Лихарев, как оказалось, на самом деле давно именно подобного и хотел. Примерно как Пушкин, изображавший в стихах свой идеал семейной жизни. Только не сумел этого сразу понять.

Отчего же сейчас вспомнилось что-то давнее, почти забытое? Ему что, мало того, что довелось пережить аж с самой Гражданской войны, о которой кроме него здесь мало кто не то чтобы задумывался, а вообще вспоминал? Да в текущей реальности та война оказалась почти игрушечной, продлилась всего около полутора лет и унесла ненамного больше сотни тысяч жизней со всех участвовавших сторон. Ни голода, ни тифа, ни «испанки», даже, считай, без взаимного организованного «красно-белого» террора обошлось.

Это же сколько лет назад он придумал себе псевдоним «Студент», начиная прямо из старших камер-пажей[5] (о чём никто, разумеется, из новых «товарищей» не подозревал) карьеру советского чекиста? Да девяносто с лишним! Летом восемнадцатого года, а как вчера всё случилось. Не совсем, конечно. Тогда было двадцать два, сейчас, как окружающие, включая жену,

---

[2] Соломенная вдова – женщина, у которой муж пропал без вести или находится в длительной отлучке (*русск. устар.*).

[3] С конца XIX в. в Европе термин, обозначающий всякую форму эмансипации от религии и религиозных институтов.

[4] Схизма (*греч.*) – раскол. Подразумевается раскол между православием и католичеством. Схизматик – до недавнего прошлого бранное выражение.

[5] Камер-паж – придворное звание воспитанников двух выпускных курсов Пажеского корпуса. Старший камер-паж, кроме учёбы и участия в придворных церемониях, обычно исполняет обязанности унтер-офицера или фельдфебеля в кадетских ротах корпуса.

считают, – тридцать семь. Как Пушкину. На самом деле (или – фактически, как угодно можно сказать) – почти сто пятнадцать. Чуть-чуть помладше Михаила Басманова, но – одно поколение, просто полковник всю Мировую войну захватил, а Валентин – не успел.

И кто сейчас способен вспомнить, как умел смеяться над хорошим еврейским анекдотом начальник махновской контрразведки Лёва Задов, ставший потом, после Ежова, наркомом НКВД, Леонидом Михайловичем Заковским. Да что Заковский, и Ленина он близко видел, и Менжинского с Дзержинским, а со Сталиным вообще десять лет был почти неразлучен… Кому об этом расскажешь? Особенно в реальности, где никакого Сталина (в общепринятом смысле) вообще не было, если, конечно, не вспоминать малозначительного дореволюционного экспроприатора Кобу, делегата одного из первых съездов РСДРП.

Все эти мысли, пришедшие сейчас в голову, были и непонятны, и неуместны. К чему они? Разве что очередной всплеск интуиции, предвещающей серьёзные жизненные перемены?

Валентин, довольный хотя бы тем, что благодаря гомеостату нет необходимости вести «здоровый образ жизни», приличествующий возрасту, взял с резного, инкрустированного слоновой костью столика портсигар, вместо сигарет «кинг сайз» наполненный не менее длинными, но более толстыми «Купеческими». Эти очень дорогие папиросы из смеси трапезундских и виргинских табаков ему нравились, несмотря на неподобающее его общественному положению название. Оформляясь на постоянное место жительства в этой реальности, Лихарев представил куда следует безупречные бумаги, подтверждающие его княжеское достоинство, после чего вполне законно напечатал визитные карточки с титулом и гербом, и во всех прочих официальных документах получил право именоваться должным образом. Титул сам по себе был ему безразличен, но позволял многое такое, что в исполнении человека «третьего сословия» вызывало бы у окружающих лишние вопросы.

Он с удовольствием закурил, наблюдая, как голубые струйки дыма поднимаются вверх в неподвижном воздухе. И вдруг неожиданно словно заслонка в мозгу открылась: он вспомнил, что вызвало у него под утро некое *томленье духа.* Ему приснился Александр Шульгин, больше и ближе знакомый как нарком Шестаков. То ли приснился, то ли *явился*, как это бывает в вещих снах. Похоже, разговаривали они долго, но, по ощущению, довольно сумбурно. Или просто многие детали несомненно важной беседы и *внутренняя логика* потерялись во время пробуждения, проскочили сразу из кратковременной памяти в подсознание, минуя долговременную. Но главное, кажется, осталось.

Шульгин пытался объяснить Валентину, где сейчас находится вместе с большинством своей команды. Представлялось, что в месте, не слишком подходящем *для нормаль*ных людей. Гораздо опаснее, чем Валгалла-Таорэра, но столь же отдалённом, судя по всему. Однако быть им там сейчас необходимо, несмотря на то, что и во всех *освоенных реальностях* снова *назревают события*.

Про то, что назревает здесь, в этой самой спокойной из возможных, Лихарев знал достаточно. Русско-британская война на пороге, тут не нужно быть ни пророком, ни аггрианским резидентом. Но вмешиваться в неё Валентин не собирался. Последний разговор с Левашовым помнил и решил отстранённо стоять до конца, как бы выполняя данное «Братству» «офицерское слово».

«Вернёшься домой, – сказал тогда Олег, – и свободен. До особого распоряжения. Продолжай жить, как привык, но в полной боевой готовности. Никаких шуточек, хохмочек и прочих инициатив тебе впредь не дозволяется…»

Лихарев согласился. А какие могли быть возражения? Вот и жил, как привык, вполне даже недурственно. Денег хватало, занятий тоже. Регулярно встречались с Майей и Татьяной, пока длился их «курортный сезон». С мая по октябрь дамы жили на вилле Ларисы, а на позднюю осень и зиму возвращались в Москву, к мужьям. Сам Лихарев эти месяцы предпочитал проводить вместе с Эвелин где-нибудь подальше, южнее экватора обычно.

Дайяна его больше ни разу не беспокоила, и ему не было интереса возвращаться на Таорэру, хоть на базу, хоть в девичий пансионат. Он думал иногда, что за прошедшее время минимум сотня девушек полностью завершили курс обучения и вполне готовы вернуться на Землю для «работы по специальности». Однако никаких известий, адресованных лично ему, оттуда не поступало, и *косвенных признаков* он тоже не замечал.

Вполне, кстати, возможно, что временна́я асинхронность продолжает действовать, способов проверить это, *не включаясь в процесс*, у Валентина не было. Очень даже вероятно, что там прошли всего неделя или две. Как, к слову сказать, и там, где сейчас пребывает Шульгин с товарищами. Едва ли стоит допускать, что они застряли где-то на целых два года и просто не хотят давать о себе знать. Скорее всего, у них *там* и месяца не прошло. Иначе трудно представить, чтобы и Левашов, и Воронцов каким-то образом его не проинформировали бы. Не чужие всё-таки люди, усмехнулся Валентин.

Он ведь и сам, если по-другому считать, провёл на Земле не девяносто лет подряд. Чисто биологически тоже выходит – не больше двенадцати лет на ГИП, учитывая частые отлучки «в нулевое время», да два года здесь и примерно полгода в три приёма на Таорэре и в *параллелях.*

Теперь, получается, опять что-то *сместилось,* раз Шульгин то ли *всплыл в реале,* то ли ночью во сне пригласил Лихарева на контакт через *астрал.* Значит, наложенная на Валентина епитимья[6] закончилась или заканчивается. И он снова нужен, непонятно, правда, в каком качестве. По крайней мере, он так понял – следует быть готовым к возобновлению прежней деятельности, только не уловил, где и в какой роли.

Ещё, кажется, Шульгин говорил, что меры безопасности следует усилить, но как, зачем и в расчёте на кого – тоже туман. В общем, выходило так, что ему досталось нечто вроде письма в бутылке из «Детей капитана Гранта». Общий смысл ясен, а самое главное пропущено…

Он не услышал, как на веранде появилась Эвелин. Каким-то образом он её разбудил, хотя спали они в разных комнатах, Лихарев терпеть не мог, чтобы кто-то, пусть даже любимая женщина, находился с ним рядом в постели сверх необходимого. Возможно, причина её раннего пробуждения вызвана тем же, что и у него, – некоей проникшей в их обычный мир аурой, волновым воздействием иных слоев эфира. Или просто так совпало.

– Почему ты не спишь? – спросила француженка, подходя и кладя сзади подбородок ему на плечо.

– Да вот так. Утро позвало собой полюбоваться… – ответил Валентин, чуть поворачиваясь и приобнимая её за талию. Жена прижалась к нему чуть плотнее, причём не в банально-сексуальном смысле, а именно чтобы почувствовать его силу и поддержку и передать свою. Выглядела она более чем привлекательно, в надетом на голое тело цикламенового цвета пеньюарчике. Но обычного желания её слабо замаскированные прелести сейчас не вызвали.

Валентин совсем непроизвольно сравнил её с той, какой она была в Париже, когда вдруг подсела к нему за столик в кафешке Латинского квартала, что недалеко от Нового моста (называвшегося так аж с шестнадцатого века, когда он был построен вдобавок к нескольким «Старым», стоявшим чуть ли не с тринадцатого…). Сначала она показалась ему просто очередной проституткой, не успевшей подхватить клиента раньше, но потом они быстро разобрались в ситуации. Не проститутка, а совсем даже целая доктор психологии, просто любительница внезапных и неожиданных связей. А с докторством у них просто – написала что-то вроде реферата, как в России для кандидатского минимума, доложила перед квалифицированным синклитом – вот и заветная приставка к фамилии «Dr. Phi.».

---

[6] Налагаемое на верующего исповедующим священником или церковноначалием наказание за нарушение религиозных канонов и церковных установлений. Обычно заключается в посте, молитвах и даже заточении в монастырь на какой-то срок или пожизненно.

Однако чем-то зацепила она его тогда, слегка начавшего дичать от одиночества и бессмысленности жизни. Всего несколько дней они взаимоприятно и очень насыщенно пообщались, а потом Валентин почти экспромтом взял и пригласил её прокатиться в «снежную и варварскую страну», где даже к Наполеону отнеслись без всякого почтения…

Так до сих пор и живут, только теперь она Елена Лихарева и княгиня, к «сиреневым сумеркам Парижа» её совсем не тянет.

– Утро больно хорошее… – повторил Валентин, и женщина кивнула, не удивившись полному несоответствию стоящих рядом слов. Теперь она знала русский настолько, что легко воспринимала на слух непереводимые на «богатые» европейские языки обороты.

– Хорошее. Но гроза будет? – сказала Эвелин полувопросительно.

– Верняком. И не только атмосферная…

– Война, да? А разве нас она как-то коснётся? Ты же не офицер?

– Ещё какой, – непонятно усмехнувшись, ответил Валентин, вспомнив свою учёбу в Пажеском корпусе, парады в Красном селе и кое-какие лихие дела в Гражданскую. Но не стал развивать тему.

– Не хочу войны. Тем более – большой европейской или даже мировой… – продолжила жена, словно пропустив мимо ушей довольно прозрачный намёк.

– Как говаривал один мой старший товарищ, «твой враг выбран не тобой, а для тебя». Так что нам остаётся воспринимать сие как данность…

Во всех комнатах одновременно, и на веранде тоже, вдруг мелодично затренькали вызовы аппарата внутренней связи. Так Валентин устроил, чтобы в случае чего не бежать «их светлостям» с мансарды в гостиную или наоборот, по прихоти любого слуги, захотевшего что-то доложить хозяину.

Сейчас вот звонил привратник от нижнего въезда. Там у Валентина по ночам дежурил парный пост. Не какие-нибудь наёмные консьержи от частной охранной фирмы, а свои ребята, штатные, ежедневно занимающиеся «боевой и политической подготовкой». Охранник сообщил, что подъехала машина, за рулём знакомая дама и с ней ещё трое, «в списках не значащиеся».

– Я сказал, что хозяин раньше десяти не принимает, а госпожа Ляхова настаивает…

– Ну, дай ей трубочку, – сказал Лихарев, делая рукой жест, намекающий, что Эвелин стоит одеться чуть приличнее. Она кивнула и убежала к себе, сверкая длинными незагорелыми выше колен ногами.

Валентин, не выпуская трубки из рук, направился в свою спальню с той же целью.

Оригиналка, однако, Майя. Отношения у них, особенно у неё с Эвелин, были самые тёплые, но всё же в половину седьмого утра с визитом являться, заранее не предупредив! Разве что случилось нечто совсем уж из ряда вон…

Именно так он спрашивать не стал, но, извинившись, попросил без церемоний ехать прямо к дому и подождать в гостиной минут десять, поскольку, сама понимаешь, умыться, причесаться требуется, то да сё.

– Горничной у нас здесь нет, так что сама распорядись. Прохладительное и наоборот в холодильнике и в буфетной…

– Нет, так будет, – непонятно на что намекая, сказала Майя и рассмеялась серебристо, что в её исполнении могло означать абсолютно всё, что угодно. Любое настроение и любую затеянную шалость. Ну, раз смеётся, значит, неординарность из разряда приятных или хотя бы безвредных.

Валентин решил особенно не спешить, тщательно побрился, умылся, оделся по обстоятельствам, то есть в светло-оливковый летний костюм, только галстук повязывать не стал. Окликнул жену.

– Я буквально через пять минут, – отозвалась Эвелин, – ты пока спускайся, займи гостей…

Майя, несмотря на неприлично ранний час для светского визита, выглядела, как всегда, очаровательно, хоть и проснулась, надо понимать, никак не позже пяти, чтобы сюда успеть. Или, по столичной моде, вообще ещё не ложилась. Но там обычно такого *перевёрнутого* биоритма придерживались зимой – развлекались до поздней ночи или раннего утра, а потом спали часов до двух или трёх, а на Водах жили по более естественному графику, впрочем, тоже не все и не всегда.

Ляхова тут же подтвердила его предположение. В ответ на вопрос, почему она без Татьяны, ответила, что сегодня в дворянском собрании было небольшое «суаре»[7], потом сыграли в преферанс по маленькой, а тут и поручение поступило… А Татьяну немножко подвело соблюдение традиции – по рюмочке за каждый удачно сыгранный мизер, а мизеров ей сегодня шло много, и в выигрыше она сегодня в более чем приличном. Но за всё нужно платить, и поэтому она «в достаточно полуразобранном виде» предпочла отправиться домой, а не ехать бог знает куда в такую рань. Вот и пришлось одной.

Майя же выглядела, как всегда, свежо и привлекательно, успела даже сменить вечерний макияж на утренний. Она по привычке села за чайный столик у открытой двери в сад так, чтобы наслаждаться панорамой сопредельных гор и одновременно дать возможность хозяину полюбоваться длиной и безупречностью своих очаровательных ножек. У Эвелин они, конечно, тоже ничего, но на чужое смотреть всегда интереснее. Говорят – хорошо развивает воображение.

Не то чтобы она имела в виду соблазнять Валентина, но просто иначе у неё не получалось – требовалось постоянно чувствовать восхищённые мужские взгляды. При этом, в отличие от той же Татьяны Любченко, она, выйдя замуж за Вадима Ляхова, абсолютно никаких вольностей, кроме таких вот шуточек, кое-кого доводящих до опасной грани, себе не позволяла. Кто-то, помнивший её во времена достаточно эмансипированной молодости, ни за что бы не поверил в нынешнюю неприступность «светской львицы Бельской», а вот тем не менее. Со дня знакомства с Вадимом Ляховым – никаких вольностей на стороне.

– А ты ж чего? – спросил Лихарев, щедро бросавший заинтересованные взгляды на её коленки и выше, чтобы сделать женщине приятное. Будто надеется, что повезёт ненароком увидеть что-нибудь сверх предъявленного.

– А мне мизера совсем не шли, или – не играли. Я в таких случаях предпочитаю воздерживаться…

Вполне разумная политика, особенно в её положении «соломенной вдовы», изображающей высокую степень легкомысленности. Если ещё даст слабину по части выпивки, могут быть неприятные неожиданности (или – неожиданные неприятности), окажись вдруг очередной поклонник чересчур предприимчивым в подходящий момент. Есть же в словаре Даля неприличная поговорка насчёт того, что пьяная баба себе не хозяйка.

– Мне вахтёр сказал, что ты не одна. Где же прочие *особы*? – спросил Лихарев, будто только что заметив в гостиной отсутствие тех трёх человек, о которых говорил охранник.

– *Прочие особы* подождут во дворе. Им за господским столом делать нечего…

Лихарев промолчал. Зачем лишние вопросы? Всё, что нужно, она так или иначе скажет. А самому добиваться… Человеку его положения приличествует важность.

– За столом? Это правильно. Сейчас Леночка (он любил называть Эвелин самыми разными именами, производными и от настоящего, и от крёстного имен) спустится – позавтракаем. Ты как?

---

[7] Вечеринка (*русско-фр.*).

– С полным удовольствием. И выпить теперь уже можно. – Она заговорщицки улыбнулась, мол, сам всё понимаешь. – Да, наверное, у вас и заночую, если так можно выразиться, хотя бы до обеда. Не прогоните?

– Как ты можешь, Майя? – удивлённо-осуждающе спросила Эвелин, спускавшаяся по лестнице и услышавшая последние слова. Вот тут у неё нерусскость натуры ещё чувствовалась, не всегда различала тонкости стилистики. Не принято у них там, в Европах, выражаться оборотами, совершенно не совпадающими по форме со смыслом, в них вкладываемым.

– А чего такого? – притворно удивилась Ляхова. – Заявилась не вовремя, да ещё и на кормёжку набиваюсь. Вполне можно сказать: «Позвольте вам выйти вон!»

Эвелин перевела растерянный взгляд с гостьи на мужа. Она понимала, что это Майя так шутит, но уж больно, как это? *Заковыристо*, вот…

– Практиковаться надо, милая, практиковаться, – продолжила Ляхова уже другим тоном. – Пока тебе ещё прощается, но скоро ведь все забудут, что ты *приезжая*, и станут просто хихикать за твоей спиной. Ты, Валентин, её заставь каждый день Салтыкова-Щедрина читать, Лескова и того, из твоей реальности… Да, Зощенко. И зачёты заодно принимай по ненормативной лексике, а то она до сих пор путается, когда вполне можно *украсить* фразу, а когда категорически нет, хотя бы и в чисто женской компании.

– Ладно, это мы учтём. Так насчёт завтрака что? Прямо сейчас накрывать?

– А чего тянуть? Я со вчерашнего вечера ничего приличного не ела…

С этими словами Майя коротко взглянула на Эвелин, не смотрит ли, и специально для Лихарева поменяла местами закинутые одна на другую ноги.

Валентин показал ей из-за спины кулак.

Всё же он слегка отделял себя от *обычных людей,* возможно, по-особенному его воспитывали, или в Гражданскую войну научился не отождествлять себя ни с белыми, ни с красными, ни с «махновцами» всех типов, чтобы проще жить было, а постепенно распространил этот отстранённый подход на весь род человеческий. Потому до сих пор умел смотреть вокруг как бы извне, словно из ложи на театральную сцену, где присутствует и он сам в качестве персонажа.

Вот и эта человеческая реакция на особей противоположного пола его в некотором роде забавляла, пусть и относилась к нему самому в полной мере. Майя, кстати, ему нравилась, и он с удовольствием «пригласил бы её в номера», как выражались старшие пажи и молодые корнеты в его юности. Тогда это выражение имело смысл, ибо где же ещё не имеющий собственной квартиры поклонник мог пообщаться с дамой сердца, иногда весьма высокопоставленной. На этот случай и были придуманы вуалетки и пышные веера, закрывающие женское лицо от посторонних.

В то же время прекрасно сознавал, что нет в ней абсолютно ничего такого, чего не было бы у Эвелин или сотен других девушек и женщин, с кем приходилось иметь дело. То, что отличает одну от другой, кроется гораздо глубже. А вот поди ж ты! Какой-то непреодолимый, «основной», как в известном фильме сформулировано, инстинкт включает определённые рефлекторные цепочки независимо от обстоятельств. Что, казалось бы, взрослому мужику мелькнувшие на мгновение перед глазами алые кружевные панталончики? Выйди на городской пляж, там сразу несколько сотен девиц увидишь в чём-нибудь гораздо более откровенном. И тем не менее…

Валентин отогнал совсем неуместную сейчас мысль и глазами показал Ляховой, что не время сейчас таким образом развлекаться. Ей. Тоже ведь вполне всем понятно, что продолжения не будет, и Лихарев никогда и ни за что не займётся адюльтером с женой… Скажем так – сослуживца. Однако вполне себе семейную даму эта игра как-то *заводит*, раз во вполне серьёзной обстановке удержаться не может.

Он напрямую связал – тут большого ума не требовалось – внезапный визит Майи со своим сном и её слова насчёт «поступившего поручения». Только не мог пока сообразить, в чём эта связь заключается. По времени совпадает, да и не та женщина мадам Ляхова, чтобы ни с того ни с сего подобные эскапады учинять. И ещё какие-то сопровождающие с ней, которых за господский стол пускать не стоит…

Эвелин начала суетиться на кухне, собирая на стол, чтобы не ударить в грязь лицом. Тоже весьма странное выражение, если вдуматься. Да, русский, как она за два года убедилась, почти наполовину из чего-то подобного состоит, не чета даже «великолепному французскому». Нужно просто запоминать всякие заумные обороты речи и употреблять к месту, не озабочиваясь, зачем да почему.

– Так я тебя слушаю, – сказал Валентин уже деловым тоном, садясь напротив Майи так, чтобы стол заслонил наконец её ножки, оружие массового поражения.

Ляхова открыла свой портсигар, неотличимо похожий на настоящий блок-универсал (настоящего ей пока не полагалось по каким-то *братским* правилам), прикурила, пару раз выпустила дым, не затягиваясь.

– В общем, мне из Москвы позвонил Вадим, сказал, что получил инструкцию от Воронцова. Организовать тебе приличное прикрытие, потому что… Потому что есть варианты. Случиться может что-нибудь такое, с чем ты сам не справишься…

– Я – не справлюсь? – удивился Валентин. – До сих пор почти сотню лет справлялся…

– Не скажи. Когда наши товарищи навестили твою пятигорскую резиденцию, ты, помнится, не слишком справился…

Напоминание было крайне неприятным, но из песни слов не выкинешь. Впрочем, быль молодцу не в укор. Разобрались, в конце концов.

– Это ты не равняй. Само собой, против той команды мне было не устоять, да и то не так у них всё гладко вышло…

В отличие от Майи Лихарев, закурив, три раза подряд затянулся как следует – время выиграть и нервы чуть успокоить. Несмотря на гомеостат, никотин и алкоголь в момент употребления действовали как положено, это уже потом нейтрализовались до последней молекулы, какую аппарат считал излишней подконтрольному организму.

– Вот чтобы ещё раз с участием кого-нибудь другого у тебя не повторилось того же самого. Одним словом, я сюда новую охрану привезла и заодно прислугу, *настоящую*. А то нехорошо как-то – княгиня сама тарелками и вилками гремит…

Эти слова Эвелин тоже услышала. Слух у неё был хороший и как бы избирательный, выделял из «белого шума» всё, что её как-то касалось.

– Прислугу? – Она вошла, толкая перед собой сервировочный столик. – Я давно Вале говорила, что надо бы нанять, а он всё против. Не терпит чужих людей в доме…

– Эти – не чужие. Очень даже свои. Понятливее и вернее любой собаки, – сказала Майя.

Сравнение француженке опять показалось странным. Собаки и прислуга. При чём тут?

А Лихарев уже догадался: насчёт воронцовских биороботов он был в курсе.

Аггрианская цивилизация предпочитала обходиться для своих целей живыми людьми, вроде него самого, кстати, Сильвии, Ирины и девушек, разумеется, что он с собой привёз. Правда, с тех пор так ни одну больше не видел. Только слышал, что военную карьеру в столице делают успешно. Это его радовало.

Но вот форзейли в этом деле преуспели, и Антон, забыв установленные *у них там* правила, снабжал ими Братство почти что в неограниченных количествах. По крайней мере, так ему казалось. На самом деле биороботов было совсем немного, в основном они служили матросами, офицерами и прочими специалистами на пароходе Воронцова, «сходя на берег» только в исключительных случаях и на непродолжительное время.

– Ну, познакомь, – пожал он плечами, вставая. – Пойдём, Эля, полюбуешься.

Жене он не стал раскрывать истинную суть роботов, которых по внешности и поведению от людей отличить было совершенно невозможно, без вивисекции, конечно. От Левашова он слышал, что даже на роль любовницы для нужного клиента любого из них запрограммировать можно, и никто ни о чём не догадается. До поры до времени, естественно.

В беседке напротив крыльца они увидели двух мужчин и женщину. Одному на вид было лет сорок, внешность вполне располагающая, черты лица правильные, фигура не очень массивная, но сила чувствовалась, и не просто грубая физическая, а *специализированная*. Мог бы так выглядеть кадровый строевой фельдфебель штурмгвардии, если здешними реалиями оперировать. Не интеллигент, но явно умный человек, по-народному, так сказать, умный. И наверняка мастер на все руки – от варки щей из топора до ремонта подручными средствами брегетов Павла Буре.

Второй помладше, около тридцати, ростом выше, голубоглазый, очень светлый шатен. Лихарев при случайной встрече определил бы его как человека с хорошим образованием, но не «ботаника», а весьма спортивного, тренированного парня какой-нибудь интересной профессии. Ну, геолога, может быть, или путейского инженера (очень в этом мире уважаемая профессия, что-то вроде жюль-верновского Сайреса Смита).

А третья – женщина. Дальше от тридцати, ближе к сорока пяти. С лицом не то чтобы красивым, но по всем параметрам безупречным. Бывает такое интересное сочетание. Женщина, с которой мало кому придёт в голову заигрывать. При том, что и пропорции тела никаких претензий не вызывают, вполне можно натурщицей для первокурсников Академии художеств ставить, чтобы сразу поняли, как должна *нормальная* женщина выглядеть, созданная для реальной жизни, а не салонных забав. «Некрасовская» такая, в отличие от «тургеневской».

С умом типаж подобран, подумал Лихарев. Главное, если эта дама чем-то вроде домоправительницы будет, у Эвелин никаких оснований для ревности точно не возникнет. Спокойно сможет её наедине с мужем оставлять, даже при длительных отлучках.

– Вот, прошу любить и жаловать, – с некоторой даже гордостью указала на вставших при появлении людей андроидов Майя. – Это – Баян, – представила она старшего мужчину, – это – Варяг, а она – Диана. Господин Воронцов всех своих подчинённых этого рода называет исключительно по именам кораблей старого русского флота. Вкус у него такой. А вы, конечно, можете им дать любые другие, на ваше усмотрение. Баяна лучше всего использовать в роли дворецкого, шофёра, начальника службы безопасности. Поваром тоже может. Варяг – мастер на все руки, в буквальном смысле, одновременно – большой интеллектуал и эрудит, во всех областях, всемирную информационную сеть вполне заменит, ибо к ней же и подключен. В смысле боевых качеств – все трое на одном уровне, то есть могут всё, что любой спецназовец, детектив, ниндзя даже, только гораздо лучше. Пока они с вами, можете не беспокоиться. Если даже сами ещё ничего не заметите, они и угрозу распознают, и все нужные меры примут…

Диана может быть, как вы уже догадались, домоправительницей, личной горничной хозяйки, попутно парикмахершей, домашним врачом, швеёй и модисткой, телохранительницей, конечно…

– А также всем, что потребуется впредь, – сказала вдруг Диана приятным, чуть низковатым, многим мужчинам нравящимся голосом (она и на роль дикторши или ведущей программ дальновидения вполне бы подошла), процитировав последний пункт из универсальной резиновой резолюции товарища Полыхаева, персонажа «Двенадцати стульев». Валентин от неожиданности рассмеялся, а Эвелин опять не поняла.

– Ну вот и всё, пожалуй, – завершила Майя. – Если согласны, новые сотрудники готовы немедленно приступить к своим обязанностям…

Эвелин выглядела несколько ошарашенной, не совсем понимая, то ли каким-то специальным жаргоном муж с Ляховой вдруг заговорили, либо она видит картинку времён крепост-

ного права, о котором имела понятие в основном из «Мёртвых душ». Иначе как истолковать все эти слова – «Воронцов посылает», «можете дать им какие угодно имена»?

– Я тебе потом всё растолкую, у нас в «Братстве» есть много вещей, для постороннего взгляда странных, – успокоил Валентин жену и уже для Майи: – Да сейчас пока не совсем ясно насчёт обязанностей, неожиданно как-то, – сказал Лихарев, на самом деле очень довольный таким знаком внимания со стороны «старших», но ещё не решивший, как именно воспользуется «подарком с барского плеча».

– Да от вас пока ничего и не требуется, Валентин Валентинович, – вслед за Дианой подал голос и Баян. – Укажите нам помещение, где мы разместимся, и занимайтесь своими делами. А мы – своими.

Очень рассудительно «дворецкий» это произнёс, веско так…

– Да у меня и помещения особого нет. В доме нам самим едва хватает. Разве – флигель вон тот, – Валентин указал на небольшой домик в правом верхнем углу участка. – Так там только так… две комнатки, одна с инструментом и припасами кое-какими, вторая – вроде мастерской. Станки, верстак, стол, шкафы да ящики всякие. Топчан, правда, есть…

– Нам другого и не надо, ваша светлость, – сказала Диана. – Нам ни спать, ни есть не нужно, и мне отдельное от «мужчин» помещение не требуется. Просто, чтобы место было, куда с ваших глаз укрыться, когда не нужны… И одежду с *принадлежностями* всякими развесить-разложить…

Эвелин смотрела и слушала с широко раскрытыми глазами. Хорошо хоть не ртом. До неё стало доходить, что это – не иначе как только в кино и книгах бывающие андроиды. Ни о чём подобном ей Валентин не рассказывал, хотя общее представление о *неординарности* мужа и его приятелей она имела. Ещё с самого начала здешней своей жизни.

– Ну, значит, быть по сему, – согласился Лихарев. – Там и размещайтесь. И ждите распоряжений… – ничего другого он с ходу придумать не смог.

– А чего ждать? – удивился Баян. – Сразу и займёмся каждый своими делами. С вашего позволения, охранников и садовника я прямо сейчас рассчитаю. За месяц вперёд заплачу, раз без предупреждения, и пусть уходят. Как-нибудь и без них справимся.

Лихарев подумал, что не так всё просто получается с этими вроде как слугами автоматическими. Сразу и не поймёшь. А делать всё равно нечего, обратно не отправишь. Дела, похоже, и вправду непростые затеваются. Пусть лучше так.

– Хорошо, действуйте, – кивнул он. – *Чистый вам карт-бланш*, как говорится. А вы, Диана… ну, пусть будет Петровна (не Зевсовной же её называть), с Еленой Ивановной (отца у Эвелин Жаном звали, хорошо, хоть не Жаком) свою диспозицию потом обсудите… А деньги для расчета? – вспомнил он.

– Будьте спокойны, – с тонкой, очень ему идущей улыбкой ответил Варяг, – мы располагаем достаточными средствами для обеспечения своих функций. Когда нам имена с фамилиями придумаете – паспорта и прочие документы тоже сами выправим. Оснований для претензий мы вам постараемся не давать.

Вернулись в гостиную и наконец сели за стол. Без горячего Майя согласилась обойтись, хотя Эвелин предлагала яичницу приготовить, предел своих кулинарных способностей. Она, хоть и француженка, никакими тайнами национальной кухни не владела, с юных лет погрузившись в науки возвышенные, и лет десять, до знакомства с Лихаревым, умела только кулинарные книжки от нечего делать листать, зато на многих языках. Но теперь, как предположил Лихарев, у них в любой момент будет стол, не уступающий царскому. Как-то они с женой видели на выставке в Кремле роспись блюд обеда в честь коронации Александра Третьего, ещё

в тысяча восемьсот восемьдесят втором году. Очень впечатлило. Причём карточки меню были оформлены и разрисованы самим Васнецовым. Который Виктор[8].

– Ну так в чём же всё-таки дело? – спросил Валентин у Майи, когда выпили по рюмочке, невзирая на достаточно ранний час (впрочем – кому как), – неужели Вадим ничего определённого тебе не сказал?

О своём разговоре во сне с Шульгиным он пока не упоминал.

– Вадим сказал, что если начнётся война с Англией, непременно оживятся все враги России на Кавказе и вообще за периметром. То, что случилось в Пятигорске[9], может повториться десятикратно. На этот случай всем нам нужна защита.

– Не проще ли вам с Татьяной, да и мне с Эвой просто уехать, хотя бы и в Москву?

– Это – ваше дело. Нам уезжать Вадим не советовал. В случае войны столица опаснее отдалённых провинций. Просто рекомендовал быть начеку.

– Всё равно не очень понятно. То, что было – было. Но сейчас-то, если мы предупреждены, у нас есть чем защититься от любого врага, ты же знаешь. Я никогда не использовал эти возможности, всегда удавалось обходиться вариантами попроще, но если вынудят… Кроме того, всегда есть возможность уйти… Далеко, в общем.

– Я не знаю, – повторила Майя, – как вам следует поступать. Просто выполняю поручение…

У неё имелся кое-какой опыт оперативной работы, ещё когда она, так сказать, *подрабатывала* в качестве *полевого агента* у отца в Бюро Специальной государственной информации, организации сугубо секретной, занимавшейся вопросами, которые по той или иной причине нежелательно было доверять Министерству госбезопасности. Так что дилетанткой Майя не была.

– Но сама думаю так – вся беда в том, что ни ты, ни кто-нибудь другой не в состоянии находиться начеку двадцать четыре часа в сутки и непрерывно озираться и прислушиваться. Ты можешь подстраховаться от уже известной и понятной опасности, но…

– Как-то, хм (он чуть не ляпнул – сто лет, а это для Эвелин было бы уже слишком), достаточно здесь прожил, и не в самые простые времена, – не хотел просто из упрямства соглашаться с Майей Валентин, хотя и понимал, что в принципе она права.

– Не равняй грешное с праведным. Не мне тебя учить. Сегодня, насколько я знаю, «красная черта» давно перейдена. Потому тебе и посылают такое «усиление». Вот они могут нести службу и сохранять бдительность круглосуточно. С нами «у Кшесинской»[10] пятеро таких два года прожили. Никаких проблем и никаких претензий…

– Ну, допустим. А заодно также круглосуточный присмотр. Шаг вправо, шаг влево…

– Если бы так, к тебе «охрану» надо было приставить сразу после… Однако ж нет. Значит, не в тебе фактически дело.

Эвелин надоело слушать разговор, в котором она снова мало что понимала. То есть понимала прямой текст, а все вторые и третьи смыслы, разумеется, упускала. Лихарев её в подробности своих занятий не посвящал, за исключением самых приблизительных и поверхностных сведений. Да она и не настаивала, француженка ведь, не русская, та бы в первые же дни с живого не слезла, пока не выяснила всё, до донышка.

Поэтому она решила перевести разговор на более интересную и, как ей казалось, важную тему. Начала расспрашивать Майю о роботах. Откуда они вообще взялись, каким обра-

---

[8] Всего художников Васнецовых в России было больше, чем писателей Толстых, четыре – Виктор, Аполлинарий, Андрей и Юрий. Два брата, внук и какой-то дальний родственник. Двое последних – лауреаты Госпремии СССР.

[9] См. «Билет на ладью Харона».

[10] «У Кшесинской» – так Майя называет виллу Ларисы в Кисловодске, перестроенный ею и реставрированный особняк, действительно принадлежавший знаменитой русской балерине Матильде Кшесинской (1872–1971), любовнице практически всех великих князей Романовых, в том числе будущего Николая Второго и его брата Михаила.

зом могут произвольно менять специализацию, как именно получилось, что за всё время их знакомства ни Майя, ни Татьяна даже не обмолвились, что их великолепно вышколенные и превосходящие любого эталонного слугу из мировой литературы и драматургии – никакие не люди. И как, наконец, сочетается общепланетный уровень вычислительной техники и, так сказать, «интеллектроники» с бытовым использованием (и только ими) абсолютно человекоподобных механизмов. Даже не в технической *начинке* дело, во внешности и манере поведения. Она ведь специалист не из последних, и именно по межличностным коммуникациям, она бы сразу заметила фальшь, пусть эти «роботы» изображают не французов, а русских…

Переглянувшись с Валентином (в том смысле, что «давай я отвечу, у меня эмоционально убедительней получится»), Майя подошла к балюстраде, оттолкнувшись руками, ловко на ней уселась боком, не боясь пропасти за спиной, сплела ноги у щиколоток, достала сигарету. Валентин предупредительно поднёс ей огоньку.

С минуту Ляхова смотрела на панораму гор, на вереницу курортников, потянувшихся по лестнице в сторону целебных источников. Она не была психологом, как Эвелин, но с времён своей *спецслужбы* умела великолепно конструировать, причём экспромтом, *легенды*, гораздо более правдоподобные, чем скучная проза жизни. Валентин, поняв, что требуется для убедительности и *полноты образа,* подал ей бокал вина, как лектору на кафедре непременный стакан воды или холодного чая.

С видом, будто сообщает величайшую тайну, Майя поведала, что есть у известных Эвелин Ляхова и Тарханова начальник, приближённый к самому Императору, и вот этот начальник, имя которого всуе упоминать нет необходимости, в довольно давние времена каким-то образом вступил в контакт с инопланетными пришельцами. Что там было и как на самом деле, никто не знает, но тот человек, возможно, за какие-то услуги, получил доступ (или – награду) к оставляемым пришельцами при улёте с Земли (возможно – за ненадобностью) артефактам, в том числе и к самовоспроизводящимся роботам, которых можно программировать и для исполнения всякого рода человеческих, а не только инопланетных функций.

Вот благодаря своему служебному положению в императорских тайных канцеляриях флигель-адъютант Ляхов и Герой России Тарханов получили право (как получают право на служебный автомобиль или персональную охрану) пользования этими и кое-какими другими возможностями, составляющими государственную тайну высоких степеней. А сейчас за оказываемые Его Величеству услуги такого права удостоен и статский советник Лихарев. Так, слегка произвольно, Майя интерпретировала звания, которые Валентин носил на сталинской службе.

Эвелин слушала, в буквальном смысле раскрыв рот. Её европейский менталитет ещё недостаточно перестроился, чтобы скептически относиться ко всем тем байкам, что можно услышать в России от самых серьёзных и заслуживающих уважения людей. Во Франции отчего-то, при наличии вполне развитой литературной традиции, не появилось поговорки, аналогичной русскому «Не любо, не слушай, а врать не мешай!».

Майя в глазах Эвелин заслуживала полного доверия и за свои личные качества, и исходя из положения мужа и отца, поэтому рассказ её восприняла с абсолютным доверием, только по ходу весьма эмоционально демонстрировала своё удивление и восхищение. Последнее – тем, что и она с Валентином тоже приобщены к «сильным мира сего». До этого она была всего лишь княгиней, а теперь вознеслась в собственных глазах несравненно выше.

Лихарев несколько раз по ходу Майиной «саги» показывал ей из-за спины Эвелин жестами и мимикой полное одобрение, заодно и опрокинул две или три рюмочки.

Отлично всё получилось. Вроде как совершенно случайно он избавился от необходимости каждый раз изыскивать объяснения для многих своих поступков и случайных проговорок. Отныне можно ни о чём не беспокоиться, в случае необходимости значительно возводя глаза к небу или потолку и прикладывая палец к губам – остальное Эля сама додумает.

Да и наличие в полном своём распоряжении аж трёх роботов, возможности которых Валентин вполне представлял, не могло не радовать.

Глава вторая

– Спасибо за лекцию, – с лёгкой иронией в голосе сказал Лихарев. Но тут же и поправился, чтобы ещё больше Эвелин с толку не сбивать. – Очень ты доходчиво всё по полочкам разложила. Мне и утруждаться больше не придётся, если что, Эва сразу к тебе обращаться будет…

– Да я-то что, я всегда пожалуйста…

– Но мне всё же хотелось бы знать, какова моя предполагаемая роль в предстоящих событиях. Вадим или кто-нибудь повыше не удосужился разъяснить? А то прямо какой-то сорок первый год получается: «В ближайшее время ожидается нападение противника. Никаких подготовительных мероприятий не проводить, на провокации не поддаваться». Смешно, тебе не кажется?

О каком сорок первом годе говорит Лихарев, Майя примерно представляла, а Эвелин совсем не догадывалась: Валентин не считал нужным грузить её теорией множественности миров и историей каждого из них.

– Что я тебе могу сказать? Что от меня требовалось, я выполнила. Имей в виду – собственный персонал тебе передала. А когда смену пришлют, я не знаю, так что всего двумя «помощниками» нам с Татьяной обходиться придётся, – в голосе её прозвучала искренняя обида, они действительно привыкли к бóльшему количеству слуг невиданной здесь квалификации.

– Придётся самому разбираться. Не люблю непонятностей, особенно в подобных делах. Вы подождите меня немножко, надеюсь, не заскучаете…

Валентин удалился в свой кабинет-мастерскую, какой оборудовал в каждом своём обиталище, не доверяя ни внешнему спокойствию нынешних мест, ни современным охранным системам. Кроме аппаратуры, он ничем особенно не дорожил, даже значительную часть «золотовалютных резервов» держал не в банке, а дома, в металлокерамическом сейфе, недоступном ни талантам взломщиков любых квалификаций, ни взрывчатке в безопасных для самого грабителя количествах. Что же касается мастерских, он *ставил* их так, чтобы проще было здание срыть с лица земли и по кирпичику разобрать, чем до внутренностей бетонно-стального бункера обычным образом добраться. Прошлый раз захватившая пятигорский дом *команда*, включая Новикова, Шульгина, девиц и прочих нечеловеческих помощников, сумела Валентина *живьём взять* только потому, что Левашов внутри подвала раньше него оказался. А то бы и они *ловили конский топот*[11].

Стало бы Лихареву лучше или хуже, сумей он тогда уйти, – отдельный вопрос, но теперь и к повторению предыдущей уловки он был готов. К охранной системе были добавлены ещё кое-какие технические средства, чтобы и инопланетному существу со способностями не слабее аггрианских очень бы не по себе стало в этой «комнате Синей бороды», как он называл свою мастерскую, имея в виду присутствие в доме Эвелин. Но она-то броневую дверь шпилькой для волос открывать не станет, особенно если муж не велел, а любому другому подземелья египетских пирамид за курорт покажутся, в случае чего[12].

Он уже приблизительно догадывался, зачем передача ему роботов была обставлена таким образом, но уточнить не вредно.

Выходило так, что «братья» опасаются возможного перехвата их контакта с Лихаревым какими угодно службами, причём земными – в последнюю очередь. Дуггурами, скорее всего, пусть те и не давали о себе знать уже почти два года. (*Здесь*, впрочем, не подавали.) Незасве-

[11] См. «Хлопок одной ладонью», т. 2.

[12] На тему охраны египетских пирамид от грабителей см. например, И. Ефремов, «Великая дуга».

ченная боевая единица им нужна, и не входящая в круг внимания дуггурских стратегов территория *на всякий пожарный случай.* В буквальном, а не идиоматическом смысле.

С помощью имеющейся аппаратуры Валентину не составило труда выйти на московскую городскую АТС, а уже через неё – на телефон Ляхова – Секонда, и если бы кто связь полковника отслеживал, узнал – звонок производился с уличного телефона-авомата неподалёку от Сретенских ворот.

Вадим снял трубку уже на третьем гудке.

Поздоровались. Лихарев как бы из простой вежливости сообщил, что «соседка» только что заезжала и «посылочку» передала, за что господину полковнику горячая благодарность.

– Только не совсем понял, для чего это всё и следует ли данный «гостинец» понимать, как призыв из запаса. Если да – то смысл?

У Ляхова телефонная связь просто по должности была заведомо защищена от всяких прослушек, если только вообще весь информационный обмен в стране не находится под постоянным контролем. Такое, в принципе, тоже возможно, но всё-таки маловероятно. Однако Валентин не пренебрегал и самыми примитивными способами кодировки. Не помешает. Многих именно «прозрачность» шифра с толку сбивает. Обязательно ищут высших смыслов в самой примитивной телеграмме типа: «Харькове Арзамасе Минске индюку давайте исключительно овёс толокно»[13].

– Да, камрад, именно так всё и следует понимать, – ответил Ляхов. – Тут не моя инициатива, один любитель длительных морских путешествий подсказал…

Лихарев понял, что речь идёт о Воронцове. Он действительно вправе принимать любые решения по своему усмотрению, особенно в отсутствие поблизости остальных «братьев». А уж чем руководствуется…

– Так, может, мне прямо с ним связаться? Есть вполне безопасные способы.

– Твоё дело. Но если б он хотел, он бы так и сделал, а раз нет… Думаю, нужно будет – инструкции поступят. У меня лично есть мнение, что тут просматривается какая-то привязка к «Кулибину». Не исключаю, что адмирал имеет в виду с его помощью наш «Крест» сдублировать…

Кулибиным в определённое время служба Тарханова именовала профессора Маштакова, квартировавшего тогда под Пятигорском и занимавшегося конструированием всяческих штучек вроде «Гнева аллаха» по заданию «Чёрного интернационала» и под контролем как раз Лихарева, вёдшего тогда самостоятельную игру на «мировой шахматной доске»[14]. А ещё Маштаков вместе с Удолиным одно время весьма интересовались разработкой надёжной методики поиска стабильных «кротовых нор», то есть природных каналов, связывающих разные времена и пространства в пределах Земли. По типу Уральского тоннеля и того, что вывел Секонда с Фёстом из Палестины в Новую Зеландию и на сотню лет назад.

Мысль показалась Лихареву интересной, особенно в свете того, что Маштаков давно и успешно служит под контролем императорского Управления спецопераций. И выходит, что господин флигель-адъютант темнит, выдавая за собственную догадку то, что ему должно быть достоверно известно. Или – не он темнит, а Воронцов, собираясь ввести Лихарева в игру, реализует собственные схемы прикрытия…

– Ясно, что ничего не ясно, – туманно выразился Валентин, уходя в сторону от темы, деликатно обойдённой Секондом, сказавшим при этом вполне достаточно. – Ну, тогда пусть те, у кого зарплата больше, сами думают. Второй вопрос – насчёт партии в бридж с ребятами с туманных островов. Насколько это серьёзно, из Москвы глядя.

---

[13] Случай времён Первой мировой войны. Некий обиженный муж послал любовнику жены телеграмму такого содержания. У получателя были серьёзные неприятности с контрразведкой, хотя достаточно было прочесть текст как акростих.

[14] См. «Дырка для ордена», «Хлопок одной ладонью».

– А разве ты по своим каналам не интересовался? – спросил Вадим, зная о подлинных возможностях Лихарева, именно для таких дел и сидевшего на Земле скоро сотню лет.

– Не поверишь – нет. Я обещал не вмешиваться ни во что – вот и не вмешиваюсь. Мне и так неплохо, а станет хуже – есть куда переместиться. Вот только то, что в здешних газетах для курортников пишут, и читаю. Даже не каждый день…

Лихареву показалось, что его слова несколько озадачили Ляхова. Ну и пусть. Парень вообще многовато о себе воображает, и после стычки, связанной с несанкционированным использованием системы СПВ[15], Валентин с ним вообще избегал дел «Братства» касаться, хотя и встречались семьями время от времени, куда же от этого денешься.

– Очень даже серьёзно. Самая что ни на есть полномасштабная война на пороге, только все делают вид, что взаимно блефуют, ждут, кто первый карты на стол бросит. Но на самом деле обратного хода уже нет. Слишком тут много факторов и интересов завязано. Как в июле четырнадцатого. Мир созрел… Раздолбать-то мы их раздолбаем, да ещё с помощью «соседей», но мясорубка будет знатная…

– И зачем вам это надо? В моё время товарищ Сталин, пожелай он этого – и сотня Меркадёров[16] задачу выполнила бы точно и в срок. И все Судоплатовы, Эйтингоны и Заковские лично у меня по «Особой папке» проходили, только команды ждали…[17]

– Чего же тогда сорок первый год приключился? Нельзя было теми же методами предотвратить? – с определённым ехидством осведомился Ляхов.

– А это опять не ко мне вопрос. Я бы предотвратил, если б команда прошла. Команды не было, да и меня там давно уже… Другие люди решили партию по-другому разыграть, в итоге вместо полусотни человек пятьдесят миллионов угробили. Это не ко мне, – повторил Валентин. И говорил он совершенно искренне. – Оставайся я возле Сталина в прежней должности и получи нужный приказ, спокойно, к примеру, в Мюнхене[18] всем фигурантам с той и другой стороны ДТП организовал, взрывы бытового газа и оч-чень недоброкачественные салатики к столу подал… И кто бы тогда Судеты подарил и кому, кто бы будущую мировую войну начал?

Тут он не шутил, организация серии *красивых* терактов отняла бы у него не больше недели. После чего планету наверняка ждали лет десять сравнительно мирных лет. И даже без помощников обошёлся бы, всё – своими руками. Другое дело – те же Сильвия с Дайяной подобных инициатив у подконтрольных координаторов не поощряли. «Доктор сказал – в морг, значит, в морг». Возможно, и потому всего двумя месяцами раньше Мюнхена Лихарев из того судьбоносного года ушёл, предпочёл бестолковые и опасные тридцатые годы XX века тихому и уютному началу двадцать первого века. Да ещё несколькими реальностями дальше от исходной, предоставив мёртвым, как сказано в Библии, «самим хоронить своих мертвецов».

Судя по молчанию Ляхова по ту сторону провода, слова Валентина его не то чтобы удивили, но…

На самом ведь деле – по лихаревскому варианту уже сегодня можно решить проблему и завтра с утра приступить к очередным задачам по «Мальтийскому кресту».

---

[15] См. «Мальтийский крест».

[16] Меркадёр Р. – испанский коммунист, по заданию НКВД убивший в Мексике в 1940 г. Л. Троцкого. Герой Советского Союза.

[17] Судоплатов П., Эйтингон Н. – сотрудники НКВД-НКГБ, занимавшиеся вопросами разведывательно-диверсионной деятельности, организаторы ликвидации Троцкого и ряда других персонажей. Заковский Л. – Генеральный комиссар госбезопасности, в реальности Лихарева сменивший Ежова (вместо Берии). «Особая папка» – на самом деле довольно большая бронированная комната, хранилище личных дел и других документов высшей степени важности и секретности, контролируемое «Особым сектором» ЦК ВКП (б), в котором работал Лихарев до 1938 г, в широком смысле – номенклатура лиц, стоящих на особом учёте.

[18] 29.09.38 г. в Мюнхене состоялась встреча Гитлера и Муссолини с премьером Англии Чемберленом и Франции – Даладье. Был решён вопрос о расчленении Чехословакии между Германией, Венгрией и Польшей (и после этого поляки до сих пор обижаются на пакт Молотова – Риббентропа, а венгры «Будапешт-56» вспоминают. В ***тот*** момент на себя бы посмотрели.). Мюнхенское соглашение непосредственно предопределило развязывание 2-й мировой войны.

– Ну, товарищ, ты тоже вопрос не ко мне адресуешь. И даже Императора теперь переубеждать бессмысленно. Он решил Англию на век вперёд по уши в землю вбить и от этой идеи не отступится…

Сам Вадим был бы стопроцентно за лихаревскую идею. Он хоть и военный человек, которому где и когда ещё, как не на *хорошей войне,* себя проявить. Но… Он ведь успел стать не только приличным генштабистом, но и царедворцем, то есть в определённой мере государственным деятелем. Догадывался, или *нутром чуял*, что веком спустя запущенная, успевшая подзаржаветь мясорубка может и не выключиться согласно программе, а так и пойдёт крутить, как другая, из параллели, заработавшая в четырнадцатом да толком больше вообще не остановившаяся. Пусть и не в его мире это было[19].

И сейчас Вадиму подумалось – а не взять ли на себя историческую, так сказать, роль? Попытаться лично тоже переиграть историю, но не постфактум, как его старшие товарищи это неоднократно совершали, а превентивно. Тем более у него вдруг появился совершенно неожиданный союзник. По крайней мере, ещё несколько минут назад он Лихарева в этой роли не видел.

– Слушай, Валентин, – сказал он, – а ведь ты, на мой взгляд, дело говоришь. Я бы с тобой в комплот вступил. Только кто я есть? Что по одной жизни, что по другой. Фёст, тот у себя покруче устроился: вместо Президента американцам свои условия диктует… А я? Знаешь, наверное, стоило бы, если ты всерьёз говоришь, с адмиралом все обсудить…

При этом Ляхов, по обретённой вращением в высших сферах привычке, умолчал, что у него самого уже имеется договоренность с Воронцовым о совместных действиях без санкций с ныне отсутствующей верхушки «Братства», и даже не ставя в известность Фёста.

«Если мы в сфере внимания Ловушки сознания, то внезапность и несогласованность действий *поднадзорных* способна лишить её позитивного целеполагания и в итоге просто вывести из строя…» Примерно в этом роде выразился в одном из разговоров с Секондом Дмитрий Сергеевич. Поначалу Вадиму казалось странным и недостойным *конспирироваться* от Фёста, от самого себя фактически, а потом, немного подумав, согласился с Воронцовым. На самом деле, хоть Ловушке, хоть мыслящему существу куда труднее будет планировать свои *акции,* если считающаяся единой коалиция начнёт вдруг вести себя непредсказуемым и не поддающимся логическому обоснованию образом. Как если бы каждый футболист команды противника начал играть в свою, причём неизвестно какую игру – кто в регби, кто в гандбол, а кто-то по-прежнему в футбол, но американский, с единственной целью – загнать мяч в ворота противника, не считаясь при этом с человеческими жертвами. И не было бы на поле арбитров, чтобы это безобразие прекратить.

А самому «Братству» такая вакханалия как бы и без разницы, поскольку никаких *позитивных* целей у него с самого начала не было, за исключением собственного выживания и, во вторую очередь, поддержания окружающих реальностей в приемлемом для жизни состоянии.

Что же касается теперешнего предложения Лихареву встретиться с Воронцовым, так прошлый конфликт у Валентина с Ляховым приключился как раз из-за того, что Вадим требовал устроить ему канал межвременной связи с пароходом, находившимся в двадцать пятом году югоросской реальности, а Лихарев отказывался, ссылаясь на прямое указание Левашова не лезть больше во внепространственные и любые другие дела «Братства». А теперь, значит, как бы и наоборот получается.

---

[19] У автора есть мнение, что Первая и Вторая мировая войны, а также все последовавшие после 1945 г. вооружённые конфликты являются всего лишь разными, дискретными фазами одной и той же войны, начатой 28.07–04.08.1914 г. Австро-Венгрией и Германией против стран Антанты. Желающие могут проанализировать цепочку военных и политических событий, их связность от начала и до сегодняшнего дня.

– Мне что. Могу. Прямо сейчас. Только я, как и тогда, буду на твоё указание ссылаться, – засмеялся Валентин. – Мне ведь прежнего табу никто, кроме тебя, не отменял…

– Давай, ссылайся.

– Значит, схожу. На море посмотрю, пива дарового выпью. Твою Майю как, в Кисловодск под охраной отправить или с собой прихватить?

– Это уж как она сама захочет.

– Лады. Тогда – до побачення…

По-прежнему страхуясь от «всеволновой» пеленгации с последующим немедленным ударом по вычисленному местоположению боевыми медузами (хватит, один раз уже взглянули «глаза в глаза»[20]) или чем-то похуже, Валентин решил действовать по примитивной, но действенной партизанской тактике. Выйти на связь внезапно, из неожиданного места, и тут же сменить дислокацию, быстрее, чем наблюдатели успеют вообще отреагировать на твоё появление в эфире.

Он оставил женщин болтать на интересные для них темы, а сам спустился на нижний двор (участок имел ступенчатую форму и состоял из двух уровней – внизу хоздвор с гаражом и «службами», как эти строения по-прежнему здесь назывались, а наверху – собственно дом и сад для отдохновений). Такая планировка позволила заодно устроить под верхним уровнем солидный железобетонный бункер в сотню квадратных метров площадью, хорошо заглублённый в гору. Как Лихарев шутил – нужно же где-то лопаты хранить.

Возле гаража велел, входя в роль барина, уже освоившемуся на новом месте Варягу приготовить машину к не слишком долгой поездке, то есть припасов и запас бензина не брать, но оружием озаботиться, и показал, где хранится его арсенал. Андроид, знакомый с оперативной обстановкой на КМВ, полномасштабных боевых действий в ближайшее время не предполагавшей, кроме двух револьверов «Смит-Вессон» выбрал короткие, издалека смахивающие на обрезы гладкоствольные «Снайдеры» десятого калибра с подствольными магазинами на пять патронов. Обычному человеку такое ружьё почти ни к чему, охотиться из него – только на гризли или пещерного медведя, причём из засады, да и не каждый стрелок его вообще в руках удержит при выстреле[21]. Как шутили знатоки и ценители, «стрелять из этого ружья может только тот, кто хорошо освоил заднее сальто».

Но у Лихарева силы было побольше, чем у чемпиона мира по штанге, при весьма аккуратной спортивной фигуре скорее теннисиста или фехтовальщика, чем тяжелоатлета, и отдачу он переносил легко, а роботу вообще без разницы – он мог бы и из ПТРС[22], как из обычной винтовки, стоя стрелять.

Зато на дистанции до полусотни метров «Снайдер» по эффективности, убойности и психологическому воздействию превосходил любое ручное огнестрельное оружие. Если стрелять экспансивной пулей, а ещё лучше – полукартечью. Типичная «окопная метла» по терминологии Первой мировой войны.

Баяну он приказал за время своего отсутствия приготовить на себя и «товарищей» полные комплекты всех нужных документов, включая всякие рекомендательные письма от прежних хозяев, квалификационные удостоверения по самому широкому спектру профессий и тому подобное. Нужное оборудование в мастерской Валентина имелось. Новые имена и фамилии для всей команды он назвал почти не задумываясь. Баян – Борис Абрамович Годунов. Варяг

[20] См. «Мальтийский крест».

[21] Вообще подобные ружья предназначены для совсем неспортивной охоты на водоплавающую дичь – накрыть максимально широким конусом дроби взлетающую стаю гусей или уток.

[22] ПТРС – противотанковое ружьё Симонова, обр. 1941 г. Длина ружья ок. 2 м, масса – 20 кг. Калибр 14,5 мм. Пятизарядное.

– Василий Иванович Шуйский. Диана пусть так и остаётся – Диана Петровна Лесная. Очень остроумно и изящно получилось.

Выехали на обычном для этих мест полноприводном и чрезвычайно проходимом, на уровне лёгкого гусеничного транспортёра, «Тереке» производства Владикавказского завода для нужд горно-егерских войск и просто охотников, рыболовов и любителей экстремальных кроссов по сильно пересечённой местности.

Через час по грунтовкам и накатанным горными мотоциклистами тропам заехали в такую глушь, что случайный человек «из столиц» и не поверил бы, что совсем рядом – фешенебельные курорты мирового уровня. Горный Алтай какой-то, да и только.

Остановились. Валентин сел на подножку, закурил и велел Шуйскому просканировать окрестности на предмет наличия стандартных и нестандартных излучений – электромагнитных и любых других, доступных его органам восприятия. Смысла во всех этих предосторожностях вроде бы и не было, сам Лихарев и все остальные *контактёры с неведомым* знали, что защититься от бесчисленных порождений Гиперсети просто невозможно. Куда ты денешься, скажем, от специально для тебя созданной Ловушкой псевдореальности? Или отмены закона причинности? Наконец, от так называемой *выдирки*, когда объект извлекается из реальности так, что и малейшего рубца на ткани континуума не остаётся, и какой-либо памяти об этом человеке ни в человеческих мозгах, ни в иных носителях информации.

Но тем не менее никакими доступными мерами безопасности «*братья»* предпочитали не пренебрегать. Пусть нам неизвестен, к примеру, возбудитель рака, но это же не повод позволять кусать себя переносчикам малярии или риккетсиозов.

Всё вокруг в радиусе двух десятков километров было в пределах нормы. Даже никаких работающих электроприборов не фиксировалось. Тогда Валентин настроил свой блок-универсал для прямой телефонной связи с «Валгаллой». Сигнал причудливым образом через атмосферу, до ближайшего телефонного узла, потом по проводам прошёл в здешний Петроград (второй раз Лихарев не хотел даже таким образом фиксироваться в памяти Московской АТС) и уже оттуда через какие-то эфирные слои и временн*о*й барьер – на одну из мощных длинноволновых радиостанции Югороссии. Только с её антенн вызов достиг находящегося в Атлантическом океане несколько ниже экватора парохода.

Если подобный путь кто-то в состоянии отследить, тогда Валентин без возражений сдаст свой, условно говоря, диплом аггрианского координатора аж второго ранга. По крайней мере, за всю его предыдущую деятельность подобного не случалось, а методики разрабатывал и внедрял он сам, наделённый, в отличие от прочих аггрианских агентов, весьма приличными способностями изобретателя-рационализатора. А также моделиста-конструктора. Вполне мог бы публиковаться в советских журналах с этими названиями.

Ответил Воронцов, поначалу вообразивший, что кто-то научился в этом мире выходить на микрофонную связь с длинноволновых станций на коротковолновый приёмник. И был несколько удивлён, когда Лихарев назвал себя и объяснил, откуда и как говорит.

– Что это у тебя за фокусы? Раньше я о таком даже и не слышал.

– Ну и слава богу. У всех должны быть свои маленькие секреты. Можешь меня прямо сейчас отсюда выдернуть, с минимальным расходом времени, энергии и колебания эфира? На две секунды приоткрой дырочку, чтобы я быстренько, бочком проскользнул.

– Да сделаю, не вопрос. Минут пять подожди, я специалиста вызову и проинструктирую. С места не сходи…

Валентин закурил вторую папиросу и успел дать наставления Варягу – сидеть возле машины, с посторонними людьми здешней реальности, буде такие случайно появятся, вести себя дружелюбно, но отстранённо, в общем – по обстоятельствам. Если он не вернётся через… – Лихарев посмотрел на часы, – через пять часов, ехать домой и сообщить хозяйке, что непредвиденные обстоятельства потребовали его отлучки в безопасное, но отдалённое место.

На неопределённый срок. Так уже бывало, она поймёт, тем более там с ней сейчас госпожа Ляхова. Служить госпоже Елене, как самому «хозяину», поддерживать постоянный контакт с Ляховой, Любченко и их оставшимися роботами. Вот пока и всё.

– Готово, – услышал он голос Воронцова из динамика блок-универсала. Впрочем, называть *это* динамиком не было никаких оснований. Деталь внутри портсигара, размером чуть больше макового зёрнышка, воспроизводила звук качественнее любого земного устройства. Но совсем уже необъяснимо было то, что при необходимости звуковая волна могла как бы «останавливаться» или «рассеиваться» точно на заданном расстоянии, будто упираясь в звукопоглощающую стену, и стоящий буквально в двух шагах человек не слышал ничего, в то время как владелец хоть вагнеровской оперой наслаждался.

Ещё через секунду прямо перед Лихаревым сиреневая рамка обозначила проход, не превышающий размерами горловину лодочного люка между отсеками. Валентин с ловкостью старого подводника скользнул в него, и переход тут же закрылся, как ничего и не было, даже без обычного, сопровождающего перенос массы хлопка, настолько чётко робот-оператор всё настроил.

– Ну, с прибытием, камрад, – сказал Дмитрий, потягивая руку для пожатия. – Кто это тебя там так напугал?

– Вы же и напугали, кто ещё? – усмехнулся Лихарев, с удовольствием и интересом осматриваясь. Ему ещё не приходилось бывать на знаменитом, а также и пресловутом пароходе, тёзке планеты Валгалла-Таорэра, о котором был много наслышан.

Впрочем, именно здесь, в отсеке поста управления главной, самой мощной и технически совершенной установкой совмещения пространства-времени, смотреть было особенно не на что. Стальные, выкрашенные шаровой краской стены, несколько панелей управления почти обычного вида, четыре небольших экрана, как у старых чёрно-белых телевизоров, и один громадный, во всю глухую переборку, в выключенном виде зеленовато-серый. Если бы не он, помещение можно было принять за гидроакустический или радиолокационный пост. Тем более два оператора, один с погонами царского старшего лейтенанта, второй – кондукто́ра[23] на одинаковых синих рубашках с короткими рукавами, сидевшие за пультами управления, дополняли картину до полного реализма.

Сам же Воронцов, как всегда «вне строя», был в лёгких светло-голубых брюках и белой рубашке. Вместо адмиральских погон на углах воротника по паре маленьких золотых двуглавых орлов с алмазно-рубиново-эмалевыми коронами[24]. Сильно загорелый и совсем не изменившийся с момента последней мимолётной встречи. Валентин между делом позавидовал Дмитрию. Он сам с детства привык носить какую-нибудь форму и сейчас жалел, что лишён такой возможности. «Надо бы походатайствовать, чтобы вернули право хотя бы на прежнее звание», – подумал он. У Сталина он носил любую форму с любыми знаками различия, на своё усмотрение и зависимо от обстановки, но в личном деле значился бригадным комиссаром, что равно как минимум капитану первого ранга, если на флотские чины переводить.

– Пойдём, расскажешь. Послушаю с интересом, – предложил Воронцов, открывая перед гостем стальную дверь, за которой виден был уже не узкий, почти отвесный трап военного корабля, а вполне себе пологий, дубовый, с балясинами и даже ковровой дорожкой, пристойный фешенебельному круизному лайнеру.

---

[23] Промежуточный между унтер– и обер-офицерами чин технических специалистов на царском флоте, аналогичный нынешнему мичману – старшему мичману. Обозначался погонами с широким продольным золотым басоном на офицерском кителе. При этом кокарда на офицерской фуражке носилась матросская.

[24] Наградные знаки отличия вице-адмирала флота Югороссии для ношения на повседневной форме. Нечто аналогичное «золотому оружию» или «табакерке с портретом императора». Обычно вручались за особые заслуги одновременно с производством в следующий чин. Воронцов получил их за выдающиеся заслуги в разгроме и пленении британского флота, хотя официально никакой командной должности не занимал. (См. «Вихри Валгаллы»).

Они поднялись на семь маршей, после чего оказались в просторном тамбуре, из которого застеклённые двери вели в сквозной, через всю надстройку коридор кают второго класса и в два сравнительно коротких боковых ответвления, выходящих на верхнюю, она же главная прогулочная, палубу. Широкую и на всю длину двухсотметрового корпуса, от юта до волнолома и брашпилей на баке. По ней можно спокойно совершать почти полукилометровый променад вокруг всей надстройки, по пути подкрепляя силы в многочисленных буфетах и барах, а женщинам – отводя душу в имитирующих московские Верхние торговые ряды или петроградский Пассаж лавках и, по-иностранному выражаясь, бутика́х. Они и здесь имели место, только непонятно, для кого. Скорее – просто для настроения. Или разве редких гостей, вроде тех же валькирий, позабавить. Соответственно, и приказчиков с буфетчиками в них не было, заходи и бери, что надо. Полный коммунизм.

Валентин вдруг подумал, что, если всё с его планом получится, гостей на пароходе может и прибавиться. Весьма и весьма.

Погода за бортом не радовала. Хоть и южные моря, а сильно походило на Северную Атлантику. Туман, мгла, ветер, тот, что у моряков называется «свежий», срывающий пену с гребней волн. И волнение баллов пять, для «Валгаллы» как судна не слишком чувствительное, килевая качка – ещё заметна, а бортовой почти и нет, но штатские пассажиры в таких случаях массово не выходят к ресторанному столу, занимаясь делом совсем противоположным. Но у Лихарева вестибулярный аппарат был в полном порядке, он и двенадцатибалльный шторм на скорлупке вроде колумбовой каравеллы перенёс бы без неприятных последствий.

Моментами со стороны не слишком далёкой, а главное – ни единым клочком земли не отгороженной Антарктиды приносило почти горизонтальные дождевые заряды, звонко ударявшие в зеркальные стёкла и металл надстройки. Мутные струйки, бегущие вниз по окнам и иллюминаторам, невольно заставляли поёживаться. Без штормового облачения на открытые места лучше не выходить, если нет острой необходимости.

– Видишь, погодой не могу побаловать. И обедом на свежем воздухе.

– А мне нравится, – искренне сказал Валентин. – Чем мерзостнее снаружи, тем уютнее в тепле, под крышей и перед панорамным окном. Так что я не в обиде. Есть где посидеть, на буйство стихий любуясь?

– Вот с этим – никаких проблем…

Так же неспешно (лифты по причине непогоды всё равно отключены) они поднялись ещё на две палубы и прошли далеко вперёд, в отсек прямо под ходовым мостиком, где обнаружился уютный – хоть бар, хоть трактир, как угодно назовите – всего на четыре столика и с музыкальным автоматом, стилизованным под конец сороковых годов. Массивным, красного дерева, с пачкой «долгоиграющих» – на полчаса звучания каждая! – виниловых пластинок в застеклённой нише. Найдёшь название мелодии в списке на передней панели, кинешь пять копеек или пять центов, нажмешь кнопку – и наслаждаешься.

Вид через передние окна, прямо по курсу, производил отсюда должное впечатление. Поднявшийся на гребень очередной волны форштевень «Валгаллы» вдруг проваливался вниз, и белые потоки вспененной воды заливали верхнюю палубу далеко за высокий «V»-образный волнолом. Непривычному человеку в такие моменты казалось, что пароход больше вообще не выпрямиться, так и продолжит своё движение вниз и вниз, как подводная лодка, выполняющая маневр «срочное погружение».

А привычному – вполне ничего. В положенное время форштевень поднимается, стряхивая в шпигаты потоки воды и пены, судно всходит до середины корпуса (миделя, попросту говоря) на очередной гребень, будто бы балансирует так секунду-другую и снова соскальзывает, как санки с горки, прямо в глубокую, густо-бутылочного цвета ложбину. На удивление – почти беззвучно. Впрочем, это отсюда так кажется, а если рискнуть пробраться до самого

волнолома, впечатление будет совсем другое. И грохот там такой, что от инфразвуковых колебаний внутренности начинают резонировать самым отвратительным образом.

– Красота! – со всей искренностью воскликнул Лихарев, пожалев, что в своё время попал в Пажеский, а не в Морской корпус. Всё могло бы сложиться иначе, и не пришлось бы Сталину прислуживать. Ушёл бы в двадцатом году с флотом в Бизерту, а там нашёл бы себе занятие «на морях и волнах». Не хуже Воронцова мог бы адмиралом стать, разве что не российского, а какого-нибудь другого флота.

– Возьми меня к себе старпомом, – неожиданно предложил он. – Или хоть старшим механиком. Тебе с твоими роботами тоскливо небось… И Наталье Андреевне в лице моей жены компаньонка будет.

– Скажем, ты о моей жизни не совсем верное представление имеешь. От одиночества мы тут особенно не страдаем. А тебе что, на берегу совсем надоело?

– А ты как думаешь? Меня всё же не на рантье учили. Я, по-твоему, зачем с Дайяной в разные авантюры пустился? Исключительно от скуки. Затем же по три раза в год на игорные дома мира набеги совершаю и на сафари в ЮАС и Кению мотаюсь…

– Так наймись к Катранджи в помощники – куда как весело станет. Особенно когда *события* начнутся. Он, думаю, возражать не станет.

– Я так понял, вы для меня уже работёнку подыскали, судя по сегодняшнему визиту юной дамы…

Два робота-вестовых тем временем споро, с мастерством официантов знаменитейших ресторанов выставили на столик приборы (малый обеденный набор), не спрашивая гостей (всё и так давно известно), принесли закуски – умеренно холодную водку, анчоусы и массу всяких иных морепродуктов, подходящие по сезону и вкусовой гамме овощи.

– А где же супруга? – удивился Валентин. – Желал бы, как говорится, предстать, лично засвидетельствовать и так далее…

– Успеешь ещё. Пока у нас тет-а-тет вроде бы. Давай, приступай, проголодался, наверное…

Что неоднократно отмечали все, кому приходилось пользоваться внепространственными переходами, – при каждом организм странным образом за короткие секунды, не производя никакой видимой работы, терял огромное количество энергии. Будто бы человек с полной солдатской выкладкой пробегал штурмполосу для бойцов спецназа. Внепространство, наверное, силы высасывало. Всего за секунды какие-то. А если чуть подзадержаться?

Вот и сейчас Лихарев, увидев накрытый стол, ощутил едва сдерживаемое желание немедленно начать поглощать белки, жиры и углеводы. В неумеренных количествах. Следует отметить, что гомеостат в данном случае совсем не помогал, скорее наоборот – подталкивал своего владельца к скорейшему пополнению дефицита жизненных сил. А вот в случае массированной потери крови, например, находил способ немедленного её устранения без участия хозяина. Из атмосферного воздуха и солнечного света. Парадоксы, парадоксы, куда от них денешься…

Но и от дворянского воспитания в корпусе тоже никуда не денешься, там юных пажей с восьми лет учили вести себя прилично в любых обстоятельствах, правильно есть, спать в определённой позе и тому подобное. Поэтому Лихарев ни единым жестом, даже мимикой не выдал своих истинных желаний, принялся выпивать и закусывать крайне сдержанно, не торопясь и понемногу.

– И всё же, Дмитрий Сергеевич, ты мне ответь, в чём необходимость столь срочного приставления ко мне охраны? Или – конвоя? В любом случае, стоило ли молодую даму гнать ни свет ни заря за сорок вёрст с вполне рядовым поручением? Я ж, как ни крути, подобными штучками начал заниматься задолго до рождения не только тебя, но и твоего папаши. Так что не темни. В чём, как говорится, суть и цена вопроса?

– Насчёт срочности – не совсем ко мне вопрос. Это, как я понимаю, не более чем накладка. Или, попросту – ефрейторский зазор. Сказано было, что пришла пора тебя к делу привлечь, поскольку обстоятельства того требуют, ну и «помощниками» снабдить немедленно, поелику времена грядут непростые и промедление на самом деле может оказаться смерти подобно. Это я говорил и за это отвечаю. А вот то, что Майя с ними лично поехала, – не знаю, со мной не согласовывали. Или Вадим что-то надумал, или её личная инициатива. Вдруг захотела с твоей женой без свидетельницы пообщаться? Или тебя на что-то раскрутить. Зная эту барышню – не исключаю…

– Не смею возражать. Война, до которой тамошние господа допрыгались, имеет все шансы перерасти в мировую. Мы-то в курсе, как оно бывает…

– Ну, такого мы точно не допустим, вопрос прорабатывается. Но вот проучить англичан, как мы в своё время шведов, чтоб лет на триста отбить охоту заниматься чем-нибудь, помимо розничной торговли, император Олег настроен категорически. И помешать ему крайне сложно, поскольку все козыри – у него. А на нашей стороне – только сила убеждения и абстрактный гуманизм.

– У вас – гуманизм? – рассмеялся Лихарев, несколько делано, впрочем. Поднял только что наполненную вестовым рюмку, сделал ею движение навстречу Воронцову. – Во что другое поверю охотно, только не в это. Другое дело – текущим планам «Братства» мировая война никак не соответствует, с этим соглашусь. Ребятишки ваши резвятся, вижу, но и у них на уме какой-то другой, наверняка ещё более грандиозный план. Они ж уже почти успели вообразить, что вы – старичьё и ретрограды, мыслите и изъясняетесь чуть не на языке Державина. И ты не столько помочь им хочешь с моим участием, как несколько притормозить. Ибо я, в отличие от вас, *гуманистов*, при необходимости и на роль пугала гожусь. Сталинский сатрап всё же, личный друг Ежова, Берии и Заковского…

– Насчёт Заковского – перебор. Секонд о нём и не слышал, а для Фёста он в тридцать восьмом расстрелян, то ли за дело, то ли за компанию. А в остальном – почти прав. Так за дурака тебя никто из нас и не держал. Не убили в своё время под горячую руку, значит, пора теперь пользу из своей сдержанности извлекать…

Пошутив таким образом, Воронцов сопроводил шутку хорошо в своё время знакомой и матросам, и комсоставу Средиземноморской эскадры и Северного морского пароходства усмешкой, много чего одновременно выражавшей. И в нескольких фразах обрисовал идею и способ воплощения операции «Мальтийский крест», в том варианте, что реализовывался Секондом при технической и психологической поддержке Фёста.

– И ты думаешь, что это «воссоединение» будет так уж хорошо? – приподнял бровь Лихарев. – Я что-то насчёт наших соотечественников, переживших советскую власть, испытываю серьёзные сомнения. Осталось ли в них достаточно чувств, необходимых для налаживания совсем новой жизни? Насколько я знаю, в том варианте, где всемирный социализм рухнул и две Германии слились в братских объятиях, даже спустя четверть века восточные немцы с западными подравняться в психологии и благосостоянии не могут. Хуже того – внуки уже «борцов за объединение» подросли и как-то подозрительно настойчиво твердят, что совершена была историческая ошибка и при социализме, по крайней мере, немцам (ибо он всё-таки их изобретение, а не русское), гэдээровцам жилось лучше, чем в бундесреспублике. Где гарантии, что полтораста миллионов нахлебников из собственно России и столько же из бывших братских республик не сломают совместными усилиями хребет России нынешней? А то как бы мне не пришлось вам гуманитарную помощь оказывать в наведении порядка, прежде всего экономического, приняв на себя обязанности моего бывшего начальника, его друзей и коллег…

Воронцов сразу понял ход мысли Лихарева. А что? Человек с очень хорошим базовым образованием, готовившийся на роль координатора реальностей в величайшей державе мира, *постажировавшийся*, если можно так выразиться, в ближнем окружении тирана, которого с

равными основаниями одни называют кровавым палачом, а другие – *эффективным менеджером*, в подобных вещах должен разбираться. Почти четыре года прожив в этой реальности, он одновременно весьма глубоко, судя по его словам и действиям[25], вник в дела и проблемы мира параллельного, родного, по всем признакам, для Воронцова и его друзей.

По крайней мере – отличить то, что они называли Главной исторической последовательностью от реальности, где сейчас действовал Фёст, претворяя в жизнь свою долю проекта «Мальтийский крест», без специальных исследований не получалось. Все *реперные точки,* на которые можно ориентироваться, совпадали до *долей угловых секунд*. При том, что некоторые разночтения прямо-таки бросались в глаза, не меняя, впрочем, общей картины. И Лихарев в том и другом мирах ориентировался не хуже, чем сам Воронцов – в своих картах, лоциях, секстанах и прочих на то предназначенных принадлежностях штурманского дела.

– А это – интересная мысль, – некоторое время подумав, сказал Дмитрий. – Мешать людям вершить историю мы не будем, как я им и пообещал, возможно, слегка злоупотребив стечением обстоятельств. Но подстраховать – отчего бы и нет. Не зря ведь на флоте в нужные моменты к штатному командиру на военном флоте *обеспечивающего* приставляют, на торговом – капитана-наставника. Вот давай и мы попробуем. Причём опять же по схеме криптократии. У наших подопечных уже имеются претенденты на названную тобой должность, и с той, и с другой стороны. Одного Чекменёв фамилия, другого – Мятлев. А друг Фёст собирается того и другого курировать…

– Не слишком ли отважно? Из полковых врачей – сразу в серые кардиналы суммарно одной пятой и одной шестой части суши? Это сколько вместе получается?

– Одиннадцать тридцатых, – мгновенно ответил Воронцов, привыкший решать в уме торпедные треугольники, не пользуясь даже логарифмической линейкой, не говоря о калькуляторах. – Тридцать шесть и шесть в периоде процентов, грубо говоря, всей земной суши…

– Я и говорю – многовато для начала.

– Согласен. Пусть они с двух сторон своё дело делают, а мы с третьей зайдём. Хуже точно не будет. А ежели посмотреть свежим глазом, да используя твой опыт, сам по себе эффективный, если без крайностей, отчего бы и нет? Но это – второй вопрос. Первый, ради которого я о тебе вспомнил, – как раз и именно твои связи с Катранджи, с Маштаковым… Тут, знаешь ли, очень неслабая интрига закручивается, причём каждая сторона думает, что её идеи самые верные, а методики – неубиваемые…

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Валентин, радуясь, что не ошибся в своих предположениях и прогнозах, то есть нюх не утратил. – А ты, значит, как самый старший товарищ решил некоторое время побыть над схваткой. И тебе потребовался ещё один сравнительно нейтральный партнёр вроде меня. Верно?

– В основном верно. Только о нейтралитете речи не идёт. Для начала я решил проверить, не утратил ли ты былое чутьё. Если б не понял намёка – что ж, выполнял бы другое, не менее важное задание. От него, кстати, я тебя освобождать тоже не собираюсь. Ты на горячее что желаешь? – неожиданно сменил тему Воронцов.

– Да мне всё равно. Можно, чтобы не заморачиваться, тщательно приготовленную отбивную со сложным гарниром. Я ведь к еде достаточно равнодушен. Сам понимаешь – гражданская война, трудные годы восстановления, карточная система. Когда было гурманствовать?

– Знаем, слышали. И как членам политбюро по фунту чёрной икры в день выписывали, и по десять золотых червонцев на усиленное питание… – сыронизировал Дмитрий.

– Ну и зря смеешься. Публика там была разная, половина туберкулёзом болела, вон Свердлову и чёрная икра не помогла, как и многим другим. И что такое пайки даже всех партсекретарей, включая районных, на фоне ста семидесяти миллионов тогдашнего населения? Ну,

[25] См. «Хлопок одной ладонью».

отними, подели поровну, и что? Меньше чем по грамму даже хлеба на душу прибавка выйдет. Вдобавок и поваров приличных в те годы почти не осталось. Так что, Дмитрий Сергеевич, так оно и выходило на круг, как в рассказике для школьного чтения – «Картошка с салом»[26]. В «Метрополях» другая публика веселилась, или в ресторане Дома писателей, как у Булгакова описано… И Алексею Толстому за его обед на картине Кончаловского никто претензий не предъявлял.

– Ладно, не о том мы заговорили. Я тоже всякие пайки видал, включая так называемую «штормовую запеканку».

– Это ещё что? – заинтересовался Лихарев.

– Это когда в хороший шторм половина экипажа, включая кока – в лёжку. А которые ещё есть хотят, до камбуза кое-как добираются, что смогут из наличия продуктов в котёл покидают, а потом что не сгорит и не выльется – она самая и есть.

– Ясно. Итак?

– Видишь ли, до вчерашнего дня я ещё колебался – не пустить ли всё снова на произвол судьбы и действительно удалиться «под сень струй», как мы в самый первый раз на Валгаллу. Благо все возможности у нас к этому и сейчас есть…

– А что, Новиков, Шульгин, Левашов и т.д. уже удалились? Давненько я о них ничего не слышал…

– Не совсем так. Первые трое со своими подругами и несколькими *добровольными помощниками* занимаются сейчас исследованием Земли номер два, отделившейся от Главной исторической тысяч двадцать, если не больше, лет назад, в общем, ещё до «неолитической революции», исконной колыбели пресловутых дуггуров. В целях нахождения первопричины всего творящегося на Земле этой безобразия. Не слышал, когда учился, у вас на эти темы разговоров не проскакивало?

– С нами, к твоему сведению, в отличие от подобных земных заведений, комсостав никаких приватных разговоров не вёл. И газеток *посторонних* взять негде было. В увольнения не пускали, и торговли соответствующей за забором не имелось, – стараясь придать тону некоторую ядовитость, ответил Валентин, вспоминая заодно дни своей учёбы в Пажеском корпусе в годы Мировой войны. Вот там действительно и разговоров, и слухов, и газеток хватало. На любой вкус.

– Ничему, кроме непосредственно касающегося будущих функций, не учили. Причём, ты будешь смеяться, сто и двести лет назад – гораздо лучше, чем нынешних. Сравни, от нечего делать, Сильвию, меня, Ирину и тех девочек, что Левашов спас. Есть разница?

– Разница между поколениями всегда есть, – уклончиво ответил Дмитрий. – Я бы не стал сравнивать своих товарищей по училищу и персонажей Колбасьева[27]. Едем дас зайне в буквальном смысле.

Но это отдельный разговор. Из не пошедших в экспедицию Сильвия с Берестиным обретаются то в Югороссии, то в других интересных им местах, вплоть до Кейптауна, где до сих пор никак не закончится англо-бурская война. Время опять буксует… Удолин – тот между двадцать первыми веками до и после Рождества Христова разрывается, Александрийскую библиотеку на цифровые носители переписывает и ещё кое-где бывает. А ещё часть товарищей на твоей Таорэре до сих пор службу несёт, поскольку сразу после вашего исчезновения там оче-

---

[26] «Житийный» рассказ Ю. Германа (того самого) о том, как в Гражданскую войну чекисты голодали, и вдруг один достал *где-то* несколько картофелин, а другой – кусок сала. Картошку поджарили и отнесли Дзержинскому. Но он отказывался есть, пока *случайная выборка* сотрудников не подтвердила, что все ели сегодня то же самое. А кожуру от картошки сварили и вдвоём съели те, кто достал её и сало. В реальности всё обстояло не совсем так – в то же примерно время Дзержинского посылали инкогнито за границу, подлечиться на буржуйских курортах, выделив на это весьма приличную сумму в валюте. В Баден-Бадене, разумеется, картошку с салом на обед не подавали.

[27] См. «Арсен Люпен» указанного автора, а также «Капитальный ремонт» Л. Соболева.

редное вторжение случилось. Кстати, две недели всего назад. А у вас – почти два года прошло. Посему досталась «молодёжи» практически бесконтрольная власть над двумя реальностями.

– Уж на это я внимание обратил, – хмыкнул Валентин, отодвигая тарелку с остатками отбивной, мгновенно убранную вестовым. – Ты же сам их всемерно и поощрял…

– Кофе, коньяк, ликёры, фрукты? – осведомился Воронцов.

– И мороженое, – добавил Лихарев. – Мы разве куда-то торопимся?

– Совершенно никуда, – заверил его Дмитрий. – Нам ещё много чего нужно обсудить… Что касается поощрений – я их скорее отвлекал. Думал, они больше девочками увлекутся, чем мировой политикой…

За десертом Воронцов, сопровождая слова демонстрационными материалами на экране большого ноутбука, изложил Лихареву план разработанной Фёстом и Берестиным при участии генералов той и другой России военной кампании. Общетеоретическая подготовка у Валентина была вполне достаточная, никак не хуже, чем у Берестина как минимум, а исходя из практического опыта и общей эрудиции, соображал он, пожалуй, получше. Хотя на стороне Алексея был ещё и его *стратегический симулятор,* но тоже ведь железка, в конце концов.

Вот, например, последний из *великих советских шахматистов* Каспаров компьютеру, как ни крути, а проиграл. А вот Алёхин или Капабланка наверняка бы выиграли, да и Чигорин с Талем, скорее всего.

– И что ты имеешь возразить? – спросил Лихарев. – Мне англичан вот ни на столько не жалко. Навешают им как следует, а потом ещё и поиздеваться можно, флот их в Скапа-Флоу затопить, как немцы свой там же…[28]

– Можно было бы, – согласился Воронцов, – только он и для других целей пригодится. А возразить я хочу только одно – молоды ещё наши «кадеты» судьбами мира ворочать. И совсем не потому, что во мне ревность или нечто подобное говорит. Очень я опасаюсь, что кое-какие непродуманные действия могут хрен знает к каким последствиям привести.

Он неторопливо выцедил коньяк, дождавшись, когда Лихарев сделает то же самое. Дмитрию сейчас было хорошо на душе. Как, допустим, перед выходом в море на паруснике, когда все дела уже сделаны и ждёшь только полной приливной воды, покуривая сигару и глядя с мостика на уже становящийся чужим берег.

– Сильвия, и та маху дала, когда решила силой Ирину из реальности изымать. Вон к чему её инициатива привела. Да и ты сам, не сбежал бы от Сталина, глядишь, действительно без Второй мировой обошлись бы.

– Не обошлись, – мотнул головой Валентин. – Установка у нас была – любой ценой войну эту обеспечить. Другое дело – приоритеты по ходу дела несколько сменились…

– Вот и я о том же. Но ты снова из внимания феномен *посторонних Игроков* упускаешь. Мы с Андреем и Сашкой много на эту тему спорили и к общему мнению не пришли. Они – люди одной серии, я – другой. Очень мне сильно кажется, что *теперешняя* игра без учёта вмешательства нас с тобой спланирована. Уж не знаю, отчего мы со счетов сброшены, показалось *кому-то*, что мы и вправду личными делами занялись, отпустив *молодёжь* в свободное плавание. И теперь ребят прямо непреодолимая сила в эту воронку затягивает. Настроенную на то, чтобы не у Фёста, так у Секонда, но катастрофа непременно случилась. А предпочтительнее, чтобы и там, и там сразу… Тогда у них полностью руки развязаны будут. Но как бы им не ошибиться очередной раз.

Лихарев внимательно посмотрел на Воронцова. Редко им приходилось так вот попросту беседовать, да ещё с глазу на глаз. Вдобавок на судьбоносные темы. Дмитрий всегда казался

---

[28] По итогам Первой мировой войны германский флот, всего 74 военных корабля, в т.ч. 11 ЛК, 5 ЛКР, 8 КР и 50 ЭМ, были интернированы в бухте Скапа-Флоу на Оркнейских островах со всеми экипажами на борту. 21 июня 1919 г. по приказу адмирала фон Рейтера немцы одновременно открыли кингстоны на всех кораблях. Несмотря на противодействие англичан (8 немцев убито, 5 ранено), большая часть флота была утоплена на глубинах 20–30 метров.

ему стоящим от всех достаточно в стороне. По целому ряду причин. И не принадлежал он изначально к тесной компании друзей, и натура у него была совершенно иной степени авантюрности, чем у того же Шульгина – Шестакова, не к ночи будь помянут.

Поучаствовал Дмитрий в аггрианско-форзелианских делах немножко, причём далеко не по своей воле, зато получил в результате намного больше, чем кто-либо из прочих, считая, конечно, только «первопоходников», урождённых, можно сказать, членов «Братства». Девушку своей мечты нашёл через много лет, живую, влюблённую теперь в него «по-взрослому», с учётом всех совершённых ошибок, да ещё и с аккуратно подкорректированной психикой.

Пароход получил вот этот в своё полное распоряжение, лично, кстати, спроектированный, с учётом всего своего служебного и общеисторического опыта.

И стал (только сейчас Валентину в голову пришло) кем-то вроде Тома Бомбадила из толкиеновской эпопеи. Того, что коротает века и тысячелетия в обществе никогда не надоедающей и умеющей общаться с ним с помощью «мягкой силы» жены, безраздельно правит своим лесом, никогда его не покидая, и является всемогущим в пределах, которые сам себе установил.

Так же и Воронцов. Со стороны производит именно такое впечатление. Всегда всем готов помочь, является хранителем убежища, способного защитить от всех напастей (Лихарев на полном серьёзе считал, что огневая мощь «Валгаллы» и её способность уходить в иные реальности делает её неприступной для дуггуров), и в то же время относится к происходящему, вообще к окружающему миру с лёгкой иронией. Мол, ничего другого это коловращение жизни и не заслуживает. Очень может быть, что такой его жизненной позиции способствовало близкое общение с минами, торпедами и иными взрывоопасными предметами. Когда поблизости от тебя много вещества, способного даже помимо пресловутой «единственной ошибки», просто под влиянием неведомых внутримолекулярных процессов обратить тебя в пар, а то и нечто ещё более эфемерное, исходные взгляды на жизнь могут сильно меняться. Большинство становится мизантропами, а некоторый процент – такими вот благодушными, расположенными ко всему миру циниками.

– Ты ведь, друг мой, не слишком давно к забавам нашей молодёжи тоже руку приложил. Собирался, да всё не получалось тебя спросить – просто от скуки очередным кандидатом во Властелина мира себя вообразил или под влиянием *непреодолимой силы*?

И впервые Лихарев, услышав вот так спокойно заданный вопрос, и не кем-нибудь, а именно Воронцовым, захотел исповедоваться. *Как на духу,* раньше говорили…

– В том-то и дело, Дмитрий Сергеевич, ни того, ни другого, ни третьего. Просто карта так легла. Дайяне на вашей Валгалле, нашей Таорэре без смысла сидеть надоело, вот и решила она меня по старой дружбе привлечь, чтобы, значит, Секондовскую реальность под себя приспособить, не вмешиваясь при этом в императорские и прочие разборки. Ничего, как ты знаешь, тогда у нас не получилось. А уже потом, совсем в другом варианте, я Фёсту кое-какие подсказки по ходу дела подбрасывал… Но меня другое интересует, пока я тебе *окончательного* ответа не дал. Самому ж тебе ведь «Мальтийский крест» нравится?

– А чего тут скрывать. Интересный вариант. Я ещё в молодые годы сахаровской идеей *конвергенции* социализма и капитализма интересовался. Молодой был, думал – раз академик и трижды Герой, так во всём умный. Почти поверил, что и мы, и Запад холодную войну можем свести вничью и приступить к совместной работе на общее благо. Только ведь не могло из этого ничего путного получиться. Умный был физик Сахаров, а понять логики мировой истории и сути мирового империализма не сумел. Ленин и тот на эту тему реалистичнее рассуждал. А сейчас вот новый поворот сюжета наметился. Отчего не поучаствовать в эксперименте? Тем более мне всегда интересно было, и геополитически и *просто так*, что будет, если Россия действительно станет сильнейшей страной в мире? Недостижимо сильнейшей…

Глава третья

– И каким же образом мы приступим? – спросил Лихарев Дмитрия, когда они, завершив обед, перешли в библиотеку, или, точнее, как это было принято называть ещё в конце позапрошлого века, когда появились первые по-настоящему комфортабельные трансатлантические лайнеры, – курительный салон. Размером он был примерно как спортзал обычной средней школы, с куполообразным световым люком на пятиметровой высоте. В глубоких кожаных креслах и диванах за резными, ручной работы столами ценных пород дерева могли одновременно разместиться свыше полусотни человек, причём на достаточном расстоянии, чтобы не мешать друг другу своими разговорами и табачным дымом «не того сорта».

Впрочем, мощные бесшумные вентиляторы мгновенно всасывали весь дым, а специальные дезодораторы ликвидировали даже намёки на запахи, свойственные прокуренным помещениям.

Джентльмены, позволявшие себе путешествовать первым и вторым классами, предпочитали проводить время не в своих каютах, а в таких салонах за разговорами на политические и финансовые темы, выкуривая при этом массу хороших сигар или благородных данхилловских и петерсеновских трубок. Тогда к этому занятию относились со всей серьёзностью, и никому из членов всяческих парламентов не приходило в голову тратить своё время на принятие законов, ограничивающих священные права личности на собственное здоровье.

Читать там тоже читали, в основном книги или ежемесячные журналы, поскольку свежая пресса по известной причине на пароходы не доставлялась, а первые специальные судовые газеты с новостями, принимаемыми по радио, появились ближе к началу Мировой войны.

Вот и на «Валгалле», где едва ли больше десятка человек одновременно проводило свои «отпуска», имелось всё то, что на прототипе парохода – «Мавритании» предназначалось для обслуживания и комфортного существования более чем двух тысяч пассажиров.

Вдоль переборок от пола до потолка высились застеклённые шкафы и открытые полки, где количество книг составило бы гордость любой районной библиотеки. И это только необходимый минимум – словари, энциклопедии, справочники, научно-популярная литература и художественные альбомы – в основном для того, чтобы вступившие в серьёзную дискуссию джентльмены (не всё же о погоде и статях спутниц по путешествию говорить) могли немедленно найти необходимые доводы «за» и «против» высказываемых собеседником сентенций.

По полу (назвать палубой это паркетное великолепие не поворачивался язык) простирался сотканный где-то в Джайпуре специально для этого парохода и этого салона ковёр в двести квадратных метров, по углам и на продольных стенах зала размещались целых шесть каминов, опять же, чтобы пассажиры не стояли в очереди за право посидеть возле живого огня, в других помещениях судна категорически запрещённого.

Само собой, на «Валгалле» все эти прелести, рассчитанные на множество людей совсем другого времени и культуры, были излишни, но Воронцов, проектируя переделку и модернизацию «Мавритании»[29], кое-какие помещения сохранил в первозданном виде. Вроде как элементы действующего музея истории пассажирского судостроения.

– Да каким угодно, – безмятежно ответил Воронцов, устраиваясь у камина и срезая кончик сигары. Самое то, что нужно, когда за бортом продолжает свежеть ветер и температура

---

[29] Прототип, настоящая «Мавритания», построена по заказу фирмы «Кунард Лайн» в 1907 г. Размеры: 240,95×26,84×18,45, водоизмещение 32 тыс. т. Мощность двигателей 68 тыс. л.с., скорость 26 уз. «Валгалла» отличается слегка осовремененным дизайном корпуса и надстроек, компактной двигательной установкой, позволявшей развивать скорость свыше 40 уз., наличием мощного артиллерийско-ракетного вооружения и исполненного по новейшим форзелианским технологиям композитного бронирования. А также практически неограниченной по времени и пространству автономностью за счёт наличия на борту «дубликатора».

уже скатилась ниже плюс десяти по Цельсию. В такую погоду сто раз не позавидуешь морякам былого парусного флота. Трудно даже представить, каково приходилось экипажам экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, к примеру. А ведь жили люди, и плавали вполне добровольно чёрт знает куда исключительно из любознательности и любви к приключениям.

– Но ведь, если я правильно себе представляю картину, тебе придётся как бы изменять и собственным убеждениям и, прости за откровенность, – вашему общему делу. Я достаточно в курсе – подруги моей жены выбалтывают на своих «девичниках» гораздо больше, чем я узнал бы, продолжая следить за вами по всем правилам.

Здесь Валентин говорил правду – в обществе Эвелин Майя, Татьяна, время от времени появляющаяся на Кавминводах Лариса, она же «вдова Эймонт», общались совершенно свободно и наговорили очень много интересного насчёт дел своих мужей по прямой специальности и в качестве «послушников» «Братства». А Эвелин всё услышанное прилежно Лихареву пересказывала, и для того, чтобы самой с его помощью получше разобраться в окружающем мире, и потому, что он просил держать его в курсе «дамской болтовни».

Француженка настолько дотошно выполняла поручение мужа, что и обо всех коллизиях «личной жизни» прелестных дам Валентин знал более чем достаточно. Сам же он, держа, как учили, данное офицерское слово, никаких методик, имевших отношение к своей прошлой профессии, в этой реальности не применял. Единственное исключение делал для игорных домов и казино, да и там в большинстве случаев всего лишь не позволял крупье жульничать, то есть препятствовать тому, чтобы карты ложились и шарик бегал так, как Лихареву надо.

– Ты ведь позволил обоим Ляховым действовать по собственному усмотрению, разрешил им «попрактиковаться», попробовать себя в роли настоящих Игроков. И даже всемерно им способствовал.

– И в чём ты видишь противоречие? – спокойно спросил Воронцов, крутя в пальцах незажжённую сигару. – Тем более – при чём здесь убеждения?

– Но ведь ты только что заявил, что собираешься начать новую партию, получается, что против своих же *учеников*. Поскольку они «не способны» и тэдэ. Правильнее было бы им просто на ошибки вовремя указать и *на верную стезю* направить. Да и не только учеников – старых друзей тоже. Ведь ваша «Служба охраны реальности» имела определённые принципы и правила. А теперь…

Лихареву показалось, что Дмитрий посмотрел на него как бы с некоторым сожалением. Вроде хотел сказать нечто типа: «Умён ты братец, но совершенно не в этом вопросе…»

Воронцов неторопливо завершил все положенные манипуляции и наконец поджёг свою сигару, выпустил пару «пристрелочных» клубов дыма.

– Как это ты с товарищем Сталиным работал, прямо удивляюсь, – сказал он не то, что вообразилось Лихареву, но очень близкое по смыслу. – Где полёт фантазии, где, наконец, стратегическое мышление? Тебя ж там не за тем держали, чтобы беглых наркомов ловить, хотя и то занятие по-своему творческое… Давай попробуем вместе порассуждать, раз уж такой случай и повод выдался. Вот мы, так называемое «Братство», люди изначально совсем ни к чему такому не готовые, кое-как сумели выжить в столкновении с двумя, если не больше, галактическими империями, если языком «космических опер» изъясняться. На самом деле тут, на мой взгляд, всё совсем иначе обстоит, но не в том суть. Из «предложенных обстоятельств» мы каким-то образом выкрутились. При этом не заморачиваясь какого-либо рода «убеждениями». Не до того было. Вот ты – специалист, ты мне и скажи – почему и как? Сильвия, Дайяна, ты, Антон и его коллеги по общему делу, как ни крути, на Земле свою кампанию проиграли. Я не говорю о стратегических последствиях, глобальных, так сказать, результатах всей этой *эпопеи*, но до настоящего момента все вышеперечисленные персонажи, включая *не до конца разъяснённых* дуггуров, свои пусть даже тактические, *местного значения* бои – проиграли. *Нам* проиграли. И вынуждены заниматься теперь делами, вытекающими из наших, а не их интересов.

Валентин задумался. Вопрос поставлен интересно. В лоб, но весьма корректно. Понятное дело, что Воронцов софистикой занимается, чересчур демонстративно называет себя и своих друзей «простыми людьми», хотя как раз простыми они и не являются. Исходно, по определению. Однако это ничего не меняет. Ни аггры, ни форзейли за свою многовековую деятельность так и не научились гарантированно находить и квалифицированно использовать в своих целях людей с подобными, выходящими за пределы нормы характеристиками. Выращивать из тщательно отобранных эмбрионов и нужным образом воспитывать таких, как он сам, Ирина, Сильвия, девчонки-валькирии – умеют, а таких, как Новиков, Шульгин, этот же Воронцов – нет.

Наверное, по той же самой причине, по какой полным крахом кончилась затея Горького организовать единственный в мире Литературный институт и выращивать там пролетарских гениев пера ротами и батальонами. Институт есть, восемьдесят лет уже функционирует, а настоящих писателей и поэтов вышло из него меньше, чем хотя бы и из медицинских институтов, где сроду не изучали теорию стихосложения или «*остранение* как приём»[30]. И в том и в другом случае всё упиралось в такую неподвластную рационализации субстанцию, как «талант», или «врожденные способности», «дар Божий», в конце концов. Самое интересное, что ни преподаватели названного Литинститута, ни ведущие специалисты по взаимодействию с человечеством так и не научились распознавать наличие столь эфемерного качества. Точнее – распознавали, но только *постфактум,* не случайно же из сотен принимаемых на первый курс «гениев» прозы и поэзии девяносто процентов, получив дипломы, не ваяют шедевры в промышленных количествах, а продолжают функционировать всего лишь в качестве редакторов, критиков и литературоведов.

Ответил он чистую правду, так, как только что об этом подумал.

– Вот именно, друг мой, вот именно, – согласился Воронцов, выражая неприкрытую радость, словно в прежние времена – сообразительностью матроса, без подсказок выполнившего сложное задание. – Так какие мы основания имеем предполагать, что на этот раз все участники постановки изменят своему амплуа?

Вот этого умозаключения Валентин откровенно не понял.

– ? – приподнял он бровь.

– Ладно, разъясняю на пальцах – никто из фигурантов, включая присутствующих, умнее за истекший период времени очевидным образом не стал и на основании всего предыдущего опыта продолжит играть по тому же «тексту пьесы». Опытный зритель это заведомо знает и никаких неожиданностей со сцены не ждёт, не «Женитьбу» же в постановке Мейерхольда он пришёл смотреть, а классический вариант, допустим…

– И что?

– Да то, что пусть все и делают, что от них ждут. Даже учитывая способность «актёров» к импровизации в некоторых, строго отмеренных пределах. Вот, например, сейчас Сильвия решила тряхнуть стариной, реванш взять, если угодно, очутившись в Замке в отсутствие настоящего хозяина. Это ожидаемо? Вполне. Тот, кто наблюдал за ней последние полторы сотни лет, иного решения от неё просто не ждёт. Как и того, что она без форс-мажорных обстоятельств способна отказать себе в удовольствии пополнить коллекцию своих любовников даже и Императором… Тут она у нас Клеопатра и Екатерина Великая в одном лице. Точнее – в одном, весьма соблазнительном теле… – при этих словах Воронцов усмехнулся, словно бы намекающе.

– Ну, скажем, так… – осторожно ответил Валентин, всё ещё не улавливая воронцовский «заход из-за угла».

[30] См. труды В. Шкловского и других «опоязовцев». «Опояз» – существовавшее в 20-е годы Общество по изучению языка.

– Далее, – сказал Воронцов, словно и не замечая некоторой *заторможенности* собеседника. – Образ мыслей и стиль поведения новой генерации наших друзей, от Ляховых до Императора и Президента РФ, тоже известен, ясен и понятен всем, кого эта тема вообще интересует. Для простоты будем называть их по-прежнему – Игроками. Если их действия никого не волнуют – они так и будут делать то, что начали. Если иначе – будут предприняты какие-то контрмеры. Какие – нам до того, как противодействие начнётся, не угадать. Но к этому нам тоже не привыкать.

То, что Андрей с ребятами сейчас очень и очень не здесь – все, кому нужно, тоже знают. И что в итоге?

– А куда Антон, кстати, делся? – спросил Лихарев, вспомнив слова Дмитрия о том, что Сильвия сейчас резвится в Замке в отсутствие настоящего хозяина.

– По моим сведениям – вместе с ребятами новую Землю исследует, а теоретически может находиться где угодно… Способности у него весьма разносторонние, правда – в галактическом розыске парень находится, что, по моему мнению, его прыть слегка смиряет.

– Может, и будет от того какая-нибудь польза, – достаточно безразлично сказал Лихарев. Ему в своей предыдущей жизни с форзейлем встречаться не приходилось, имелись для этого уровня другие люди, а когда тот тоже стал изгнанником «из рода и клана», взаимного интереса тем более не возникло. Хотя знал о том, что возможностей вмешиваться в человеческую жизнь и влиять на неё у Антона сохранилось гораздо больше, чем у него, Сильвии и даже Дайяны. Опять же – благодаря Замку. Ну и что из этого?

– Значит, если я тебя правильно понял, ты решил теперь не в шахматы, а в подкидного дурака сыграть? – спросил Лихарев, выстроив, наконец, собственную версию замысла Воронцова.

– Примерно так, – кивнул тот. – Я здесь, в двадцать пятом году, пока что никаких следов появления дуггуров или кого-то ещё не замечал. Да и кому я могу быть интересен – за исключением не слишком частых приёмов гостей на пароходе или в Форте ни в чём предосудительном не замечен. Твои следы, по всему выходит, затёрты надёжно. Мало что ты из тридцать восьмого года, где совсем случайно с дуггурами пересёкся, благополучно выскочил совсем не нашей методикой в очень далёкую параллель, так потом ещё и на Валгалле благополучно погиб.

Насколько я понимаю, крушение вашего с девицами флигера выглядело вполне убедительно, и ход боя с «медузы» наверняка записывали, и момент падения со взрывом – тоже. Ещё и орденок кому-то отломился… Следовательно…

– Следовательно, ты хочешь, чтобы я снова начал самостоятельную партию? Никак себя не проявляя, подстраховывал «молодёжь», а при возможности взял ситуацию полностью под свой контроль…

– Именно. Я не зря упоминал про схему «криптократии». Вполне плодотворная дебютная идея. Всегда можно замаскировать собственную деятельность чужой или вообще постараться, чтобы никакой деятельности как бы и не было. Чем, собственно, вы с Сильвией на Земле и занимались. Никакие исторические события не ассоциировались с весьма рядовыми личностями. Ни в одном учебнике, к примеру, не написано, что идею направить сербам пресловутый ультиматум некая элегантная дамочка через третьи руки австро-венграм подкинула и сама же проект набросала… Всё на бедного маразматика Франца-Иосифа грешат, вместе с Бертхольдом и Конрадом фон Гетцендорфом[31].

Хотя сам Лихарев по молодости лет в этой интриге не участвовал, но о роли Сильвии знал. Она в четырнадцатом году, считая крайне полезной полноценную мировую войну, грубо

[31] Имеется в виду ультиматум, предъявленный Австро-Венгрией Сербии после убийства в Сараево в июне 1914 г. эрцгерцога Фердинанда. Ультиматум был заведомо неприемлем для любого независимого государства и был использован как повод к объявлению войны, вскоре ставшей Мировой. Бертхольд – министр иностранных дел Австро-Венгрии, считающийся инициатором ультиматума. Фон Гетцендорф – начальник австрийского Генерального штаба.

подталкивала Германию и Австро-Венгрию к агрессии, всячески маскируя готовность Англии вмешаться в войну на стороне Антанты. Что, собственно, и подвигло кайзера Вильгельма на эту авантюру. С Россией и Францией, при нейтралитете Британии с её гигантским флотом, он рассчитывался справиться за месяц-полтора.

Валентин просто кивнул в ответ на слова Воронцова и потянулся к графинчику. Раз пошёл уже совершенно конкретный разговор, можно и поднять бокал «за успех нашего безнадёжного предприятия», как любили выражаться его кремлёвские сослуживцы.

– Ну, давай… – коньяк у Воронцова был очень неплох. Точнее – лучший из возможных, другое дело, что французский, а Валентин со старых времён предпочитал армянский (тогда он назывался попросту – шустовский).

– То есть ты поручаешь (или разрешаешь?) мне вплотную заняться нынешними российскими делами? Призываешь на службу из отставки? А сам, значит, будешь из-за кулис руководить, как бы в роли тогдашней Сильвии?

– Можно и так сказать. А можно и иначе. У тебя достаточно опыта, способностей и возможностей, чтобы постараться сохранить реальность, в которой обосновался, в максимально приемлемом и удобном виде. Ты ведь хочешь жить в приличном мире? Сравнительно с тридцать восьмым годом.

– Безусловно, – вежливо улыбнулся Валентин.

– Против объединения той России и этой что-нибудь имеешь?

– Впрямую – нет, хотя и вижу достаточно сложностей. Но также и способы эти сложности смягчить, поскольку неплохо помню, как в старой России «на самом деле» всё было устроено.

– Совсем хорошо. А как ты думаешь, Дайяна согласится тебе помочь по старой памяти?

Вопрос Воронцова Валентина даже слегка ошеломил. Уж его-то он ни в коем случае не ожидал. В его представлении «Братство» и Дайяна оставались непримиримыми врагами.

– Помочь?

– Именно. Просто помочь. По-соседски. Наши ведь её здорово поддержали при защите вашей учебки от дуггуров и прочих инсектоидов. Тем более, куда ей особенно деваться? Весь век на Таорэре без смысла сидеть? И что она со своими курсантками делать будет? Не пора ли их начать к делу пристраивать? Она об этом с тобой в последнее время разговаривала.

– Ты-то откуда знаешь? – не скрыл удивления Валентин.

– Не знал, но догадывался. Логика самая примитивная. А ты только что подтвердил. Чеховское ружьё в первом акте, не более того. Что делать с полутора сотнями девиц на выданье в глухом горном посёлке? Картошку выращивать и вязаньем заниматься? Так рынки сбыта далековато. И ей, тётке в самом соку, не скучновато ли? Это у Брюсова, кажется? «Одиссей многомудрый бездарно…» – или как-то ещё – «стареет в ничтожной Итаке». Впрочем, не помню.

Воронцов увидел, что его цитата не произвела на Валентина совершенно никакого впечатления, тому эта греческая древность надоела ещё на младших курсах Корпуса. Он автоматически пропустил ссылку на Гомера (да и Брюсова тоже) мимо ушей. Тогда Дмитрий счёл нужным слегка уточнить:

– Вообще, когда Новиков вздумал использовать в самом начале нашей эпопеи кодовое обозначение – «Одиссей покидает Итаку», кое-кто сразу указал ему на несообразность. Говорят же – «Как корабль назовешь, так он и поплывёт». Вот мы имеем то, что есть. Уходящую в бесконечность череду вполне никчёмных приключений. Упаси бог, если и завершение будет такое, как я процитировал.

Опять не сработало. Да и откуда бы этому, совсем «потустороннему» человеку верно воспринимать намёки людей совсем другого круга на малоизвестные ему обстоятельства..

– В принципе дальнейшая участь Дайяны и её питомиц – абсолютно не моё дело. Если найдут себе занятие более интересное или предпочтут век на базе коротать – их выбор. Но я бы на твоём месте сообщил им, как твои подопечные устроились, и …

Поначалу предложение Воронцова показалось Лихареву не то чтобы диким, но совершенно не ложащимся в алгоритм его обычного поведения. А потом понял – да ведь Дмитрию тоже хочется какого-нибудь серьёзного дела. И так удивительно, что на столько лет хватило ему интереса с корабликом и фортом забавляться, в то время как друзья всяческие головоломные приключения переживали, не так уж важно – оправданными они были или нет. В девятнадцатом веке, вообще до Мировой войны большинство свободных людей самостоятельно себе занятия искали, не считая, конечно, тех, кто на государственной службе состоял или на частной, в какой-нибудь Ост-Индской компании. Все остальные за свой счёт и на свой страх и риск дела делали или просто по планете скитались, иногда маскируя тягу к риску и поискам неведомого общечеловеческими интересами, а иногда и нет. Начиная, условно говоря, с Магеллана и заканчивая нашим Николаем Гумилёвым с его африканскими экспедициями. Благо тогда «белых пятен» в географии, биологии, да и политике тоже на всех, кроме «желающих возделывать *свой* садик», с избытком хватало.

Так он и ответил, давая понять, что вполне понимает мотивы адмирала:

– Я – с нашим полным удовольствием, Дмитрий Сергеевич. Я ведь тоже засиделся. Только идею как следует обмозговать надо… Дайяна, если ей привлекательные перспективы обрисовать и обращаться «по-человечески», вполне, по-моему, на все наши условия пойдёт… – Сделал совсем чуть-чуть скабрезную мину и добавил: – Ей ведь, кроме всего прочего, *настоящего* мужчину для себя найти хочется. Вроде как Екатерине – Потёмкина.

Теперь Воронцов пропустил мимо ушей сказанное собеседником, но явно для себя зарубку, где нужно, сделал. Ответил по сути:

– Наполеон считал, что всякое дело непременно увенчается успехом, если хорошо соображено не меньше чем на тридцать процентов. Остальное вполне можно оставить на волю случая и имеющих возникнуть обстоятельств…

– Ну вот и давайте вместе посоображаем…

Более или менее серьёзной проработки заслуживали всего два частных вопроса, после того, естественно, как «заговорщики» решили, что работать будут по аггрианской схеме, то есть исключительно опосредствованно, никому даже из своих не демонстрируя интереса к происходящему. Лучше всего вообще было бы, как и раньше, вне *горизонтов событий* оставаться. Только не получится, какую-то причастность демонстрировать по-любому придётся. Вот и нужно её, эту причастность, неким вполне очевидным, не внушающим подозрений образом замотивировать.

И ещё требовалось наметить контуры своего участия в назревающей англо-русской войне в Империи и конфликте, хотя пока и «холодном», между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами.

– Я, понятное дело, по-прежнему остаюсь глубоко аполитичной и совершенно частной персоной, как и раньше было, – сказал Лихарев, – разве только Ляхов или Тарханов что-нибудь конкретное предложат, раз про меня всё-таки вспомнили.

– Не они вспомнили, а я, – возразил Воронцов, – и мотивация у меня на этот случай неубиваемая… Но об этом позже. Ты говоришь, что технически можно и тот и другой конфликт пресечь в зародыше, самым примитивным и действенным способом…

– Совершенно верно. Прямо сегодня не составит никакого труда организовать в Лондоне приличный несчастный случай вроде взрыва бытового газа в районе Даунинг-стрит… Тонны на полторы тротила. И с «хантерами» по-быстрому разобраться…

– Кто же спорит. Кое-какие проблемы действительно снимутся, а что с другими, вновь возникшими делать будем? Сколько их появиться может, я как бы не лучше тебя знаю…

Дмитрий вспомнил, как, попав в самом начале их эпопеи в Замок, а из него – в сорок первый год, он вдруг вообразил, что, покидая ту реальность, наилучшим решением будет застрелить Сталина в машине на лесной дороге[32]. Чтобы изменить будущее категорически и безвозвратно. Мол, в любом случае без этого *персонажа* в истории лучше станет. Однозначно. Тиран ведь кровавый, несмотря на новиковские попытки его реморализаторства.

Молодой он тогда был, наивный, в политическом, естественно, смысле, вроде Иванушки из сказки, что сжёг лягушачью шкурку своей жены. И вот как раз тогда, пребывая в достаточно растерянном и дезориентированном состоянии, ещё надеясь, что Антон сумеет их отправить обратно и всё станет почти как было, они вдруг начали постигать кое-какие, тогда совсем ещё не очевидные вещи.

Оказывается, и в «обычных» условиях количество окружающих любое событие причинно-следственных связей так велико, что их невозможно просчитать ни на одном компьютере сколь угодно большой мощности. А в их случае *естественный* (что тоже весьма условно) ход событий нарушался слишком уж грубо, и никто не в состоянии достоверно определить, что из случившегося и в какой мере является артефактом. То есть вполне возможно, что первый поход Берестина в 1966 год создал условия для знакомства Новикова с Ириной шестью годами спустя, деятельность самого Воронцова на Земле в сорок первом году и его общение с Замком спровоцировало её же появление на Земле в виде *координатора*, и исчезновение Лихарева из тридцать восьмого года тоже. Проникновение Левашова с друзьями на Валгаллу предопределило полёт в тот район Вселенной звездолёта «Кальмар» в двадцать третьем веке и так далее…

– Поэтому, если мы хотим существовать в данных реальностях, лучше бы поостеречься, – сказал Воронцов как-то очень обыденно. – И ещё – в сложившихся обстоятельствах нам с тобой нужно действовать как можно медленнее. Был такой римский полководец, по прозвищу Кунктатор[33]. С него пример берём – совсем никуда не спешим. Всё пять раз обдумываем, потом делаем и смотрим, что получится. Ну, как сапёры по минному полю движутся. Это тоже тактика. Посмотрим, как предполагаемый противник на неё отреагирует, привыкнув, что мы всегда стремились опережать события на несколько темпов…

– Хорошо, поостережёмся, – послушно кивнул Валентин. – А для этого не вижу иного способа, как немедленно переправиться на Таорэру. Лучше всего – вместе с *моими* женщинами – собственной и подопечными. Демонстративно так. Заметят наш маневр, действия какие-то предпримут – хорошо, нам этого и надо. Нет – прогуляются наши дамочки на природе и домой вернутся, вместе с подкреплением… Дайяна наверняка захочет часть своих подопечных на Землю переправить. А андроидов оставим на виллах, чтобы всеми силами изображали присутствие хозяев на месте. Три моих да двое тех, что в Кисловодске. Вот пусть, как в старом водевиле, создают впечатление… У всех сразу.

– Быть по сему… – Воронцов плеснул в бокалы совсем понемногу, в виде «закурганной», и сказал совершенно как бы между прочим: – В общем, так Дайяне и скажи. Я готов весь её персонал на пароход и в форт принять, «курс молодого бойца» всем организовать, а потом расписать по принадлежности. Сдаётся мне, и в той и в другой России подготовленные и стопроцентно надёжные кадры понадобятся. Вечная ведь у нас проблема, с петровских времён – «нет людей». Саму тоже не обделим. Есть кое-какие соображения.

---

[32] См. «ОПИ».

[33] Квинт Фабий Максим, римский полководец времён Второй Пунической войны (II век до н.э.) с Карфагеном. Пятикратный консул Рима. Прозван Кунктатором – Медлителем, за избранную им тактику, неизменно приносившую успех. Обычно он давал неприятелю совершить все возможные ошибки, после чего наносил решающий удар.

– Как всегда? – широко и без всякого подтекста улыбнулся Лихарев. Давно ему не было так легко на сердце. Он снова в команде и снова сможет заниматься делами, для которых создан и воспитан.

Продолжая конспирироваться неизвестно от кого, то ли от дуггуров, то ли от самих Держателей, Лихарев вернулся прежним, почти мгновенным и «бесшумным» образом в лес, где его ждал робот с машиной.

Эту тему – о возможности маскировать свои действия от «высших сил» – задолго до Лихарева, в самом начале эпопеи, обсуждали Новиков, Шульгин, Берестин, Воронцов. С одной стороны, казалось бы, куда и как ты от них укроешься, если они вправду «высшие», всемогущие и всеведущие. А с другой, если подумать – не бывает такого «всемогущества и всеведения» и быть не может, ибо в противном случае Вселенная вообще прекратила бы своё существование, схлопнулась в первые же минуты по причине мгновенного исчерпания всех степеней свободы своего развития.

На самом деле – если допустить существование «субъекта» (пусть даже и Богом его назвать) или нескольких аналогичных субъектов, знающих и могущих действительно ВСЁ, так какие могут быть варианты? Одномоментно «история» и начнётся, и кончится. Прямо в момент «Большого взрыва» или рождения «высшего существа». Поскольку в долю секунды оно, это существо, *убедится*, что при абсолютной предопределённости всего бесконечного бытия смысла в его существовании нет ни малейшего. Целей и необходимости – тоже.

Потому и изощряются богословы, изобретая то дьявола, с которым всемогущий Бог справиться не может, то «свободу воли» человека, от чего утверждение «ни волос с головы человека не упадёт без воли Господа» мгновенно обессмысливается. Но так потому и «кредо», что «абсурдум эст».

И так называемая «Большая Игра». Что в ней толку, если партнёры могут предвидеть ходы друг друга? То же самое, что с самим собой в «очко» играть. Да хотя бы и в шахматы. Но вот если ты мыслей противника не знаешь, да ещё каждая фигурка на доске обладает свободой воли, хитроумием Одиссея и весёлой наглостью Остапа Бендера – вот тут смысл-то и появляется!

Эрго – *они,* Держатели и Игроки, знают и могут как бы и не меньше нашего, поскольку, расширяя круг своих познаний и возможностей, любой Мыслящий прежде всего расширяет протяжённость границ с неизвестным и недостижимым. (Если брать за постулат, что абсолютной истины, как и конечного знания не существует nomine et re[34].) Это как если бы бесконечно увеличивать ширину обороняемого стрелковым взводом участка фронта. Очень скоро от бойца до бойца станет, как «от Москвы до Бреста». И много ли этот взвод навоюет? Вот вам очередной парадокс.

Поэтому хоть аггры, хоть форзейли, хоть Игроки с Держателями на самом деле по соотношению желаний и возможностей ничем не лучше нас. И исчезающе мал шанс на то, что именно сейчас «они» наблюдают *именно за твоими* перемещениями в пространстве, вообще любыми действиями. Может же кто-то в пивную в это время направиться, в гости к тому, что *там* считается *женщиной*, или вообще, пардон, в туалет. Если кто читал малоизвестные книги Марка Твена, вроде «Путешествия капитана Стромфилда в рай», то, наверное, запомнил, что у тамошних ангелов то, что у людей называется *оргазм*, длится годами. Ну и какая же в этом состоянии слежка за даже *очень важными персонажами?*

Все эти то ли богословские, то ли агностические построения промелькнули в голове у Валентина, пока он, очутившись на поляне, осматривался и садился в машину.

[34] По имени и по существу (*лат.*).

…Майя с Татьяной отнеслись к его предложению отправиться с ним в неизведанные межзвёздные дали положительно, но слегка по-разному. Ляхова – с чистым и неприкрытым восторгом, сразу увидев в этом предложении ещё один шаг на пути к полноценному членству в «Братстве» и, значит, исполнению главной её мечты – вечной (ну, пусть для начала – сотня-другая лет) молодости и водоворота бесконечных приключений. Да и прошлое посещение парохода со всеми его чудесами очень хорошо запомнилось. И, как ни странно в её положении серьёзной замужней дамы, танцы и лёгкий флирт с офицерами «Изумруда» – тоже.

Татьяна была не столь романтически-прагматична, хотя воспоминания у неё были те же, и оставаться вечно молодой ей хотелось никак не меньше, чем подруге. И в этом мире её особенно ничего не держало, семейная жизнь с Сергеем совсем не задалась, хотя она поначалу думала, что «стерпится – слюбится». Не получилось. Значит, тогда, ещё в студенчестве, она про перспективы их отношений всё поняла правильно. Но расходиться теперь тоже смысла не было – положение в обществе, титул, фамилия, финансовое положение Татьяну вполне устраивали. В постели (не так уж часто) Тарханов был ничуть не хуже других, а о том, чем его жена занимается большую часть года, он предпочитал не задумываться, хотя при желании мог бы взять её под плотный колпак. А зачем? Чувство биологической ревности было ему чуждо, а психологически… Кто-то когда-то определил суть брака такими словами: «Ради того, чтобы иметь возможность обладать этой женщиной, когда захочется, ты вынужден терпеть её присутствие всё остальное время». Вот Сергей с Татьяной молча договорились разделить две эти сущности.

Сейчас она просто по свойству характера опасалась неожиданных и резких перемен. Тем более у неё как раз на днях снова наметился этакий лёгкий и безопасный, но увлекательный романчик. Партнёр оказался «на высоте», и терять его пока что не хотелось. Вообще, в этом смысле у Татьяны был характер скорее мужской – она предпочитала затевать ни к чему не обязывающие интрижки с мужчинами женатыми и по преимуществу из своих старых приятелей. Эти не проболтаются даже в кругу знакомых, не станут приставать с глупыми предложениями уйти из семьи и «начать новую жизнь». Встречаться время от времени, раз в месяц провести вдвоём уик-энд в приятном и безопасном месте, и – до другого раза. Никто не в обиде, и почти никакого риска. Всегда можно сказать: «Да, было в молодости между нами кое-что, но было и прошло, а сейчас так, случайно встретились, поговорили, по бокалу вина выпили…»

Она пребывала в неуверенности и сомнениях почти до обеда, но Майя её *убедила*, приводя те же самые доводы, что грели душу ей самой. О новых впечатлениях, новых знакомствах, возможной поездке в *настоящую* Югороссию (прошлый раз они ведь ничего, кроме форта на берегу фьорда и помещений парохода, там не видели, ни в Севастополь, ни в Царьград не попали). А главное, Майя прямо здесь, не сходя с места, потребовала от Лихарева гарантий, что сразу по прибытии на корабль и куда там ещё они немедленно начнут проходить курс инопланетных омолаживающих процедур. Нынешние их с Татьяной двадцать девять, конечно, возмутительно много, но уж не тридцать, по крайней мере, и если данный возраст им гарантируют на неограниченное время – согласиться можно. Как это Ирина, Сильвия и Наталья Андреевна Воронцова комфортно себя чувствуют, приближаясь к сорока, Майе было решительно непонятно.

Нет уж, они так и будут *балансировать* на рубеже тридцатилетия (самый обольстительный для *понимающей в жизни девушки* возраст).

Об Эвелин и речи не было – та за мужем куда угодно пойдёт, словно и не француженка самого либерального воспитания, среди прежних подруг которой лесбиянок было две трети, а остальные тоже не чурались всяческих *изысков*. А она, видишь ли, влюбилась в откровенного русского *сексиста* и ни о каких свободах больше слышать не желает. Впрочем, можно и по-другому посмотреть – представительница самой прагматичной (куда там немцам) и «жлоб-

ской», неполиткорректно выражаясь, нации Европы сделала быстрый и правильный выбор. Что такое скудные доходы и тяжёлая работа университетской преподавательницы в сравнении с ролью жены «ле бояр рюсс», безмерно богатого и абсолютно свободного в своих поступках, желаниях и капризах. А также красивого, сексуального и великодушного.

Конечно, молодых дам не то чтобы приводила в ужас, но всерьёз ошеломляла мысль, что уже сегодня к вечеру они могут оказаться не на другом краю света даже, а в непредставимых безднах космоса, дальше, чем почти любая из видимых ночами на небе звёзд. Перемещения в соседнее время – хоть прошлое, хоть будущее – это как-то спокойнее воспринимается. Почти то же самое, что фильм исторический посмотреть. Со спецэффектами.

Но именно несопоставимость земных и межзвёздных масштабов как раз и смягчала шок – странно бояться того, что не в силах вообразить.

Однако приличия, и не только они, требовали, чтобы вопрос об отъезде был согласован с мужьями – иначе это уже чёрт знает что будет, а не семейная жизнь. Ведь не на день-другой они собрались выбраться в Приэльбрусье, к примеру, или на абхазское побережье.

Ляхов поначалу удивился столь странному предложению Лихарева. Да, обстановка в мире осложнилась до крайности, но – где Британия и где Кавказ? Всё ж таки усиление охраны и повышение бдительности – это одно, а поспешное бегство, как его ни назови из деликатности, совсем другое. Да и с какой радости ему звать с собой девушек аж на Таорэру, где самому Ляхову довелось разок побывать, и впечатления у него сохранились не самые радужные.

Но потом, наконец, Майя закончила выдавать сто слов в минуту и передала трубку самому Лихареву. Валентин спокойно и отчётливо объяснил, что данный экспромт – считай, что прямое указание Воронцова, а по его собственному мнению – очередной ход в игре, смысл которого ведом лишь самому *вельтмейстеру*, а зрители оценят его необходимость и вдобавок изящество лишь много позже. Если, впрочем, доживут. С этого момента Вадим возражать и удивляться перестал, только попросил Майю, как водится, быть поострожнее и не лезть, куда голова не лезет. И на автомате, как в «Братстве» обучился, выдал подходящую к случаю цитату: «С агрономом не гуляй – ноги выдерну. Можешь пару раз пройтись с председателем»[35].

Тарханов же, похоже, был только доволен, что его взбалмошную Татьяну берут под присмотр серьёзные люди. Он хоть и не был медиком, как Ляхов, но в жизни разбирался, да и разговоры соответствующие между ними велись. И Сергей вполне понимал, что психическое состояние жены колеблется на очень тонкой грани между так называемым *мнимым благополучием* и необходимостью срочной госпитализации. Так что смена обстановки пойдёт ей только на пользу. Да и постоянное присутствие рядом таких *понимающих* людей, как Воронцов и Наталья Андреевна, несомненно окажет терапевтический эффект. Может быть, настолько одумается, что и ребёнка наконец согласится завести. Впрочем, что-что, а представить себе жену беременной Тарханов совсем не мог. С младенцем на руках – это пожалуйста, а с большим животом и всеми сопутствующими явлениями – никак.

За три часа дамы собрали достаточно скромный, что называется – *чисто личный* багаж, по предыдущему опыту зная, что на пароходе в любую секунду может быть найдено или изготовлено абсолютно всё, что взбредёт самой больной на голову модднице. Отданы последние инструкции остающимся на хозяйстве андроидам – и вперёд. На машине вернулись на ту же полянку, куда настроена была аппаратура перехода. Миг – и дамы удивлённо озираются, увидев вокруг вместо напоенного запахами и наполненного пеньем птиц букового леса незнакомых людей и антураж глухого корабельного отсека. А потом поднимаются по трапам вверх, на широкую, добела выдраенную тиковую палубу и испуганно ахают, когда косая волна врезается в борт и брызги долетают на пятнадцатиметровую высоту.

[35] В. Высоцкий.

– Ах, здорово как! – перевела дух Майя, вцепившись в планширь красного дерева, когда пароход вдруг провалился в ложбину между вполне уже солидными, густо-бутылочного цвета валами. Ещё не совсем как у Айвазовского в «Девятом вале», но около того.

Пока Лихарев возвращался с «Валгаллы» в Железноводск и Кисловодск, собирал своих женщин, прошло часов шесть «локально-земных», сколько здешних – никто не уточнял, но свежий ветер и крупная зыбь успели вплотную приблизиться к тому, что называется штормом. Не так чтобы очень сильным, но баллов на пять-шесть, никак не меньше.

Татьяна, стоя с ней рядом, смотрела на пересечённое пенными гребнями, закипающее море со странным выражением лица. В своём предыдущем, первом в жизни переходе через три моря на катере «Сердитый»[36] девушки в шторма не попадали, повезло, а то с таким капитаном, как Ляхов, едва ли куда-нибудь дошли бы. Но всё равно – открытое море, судно – что-то такое у неё в душе шевельнулось, забытое. У Татьяны ведь многое в подсознании было несколько раз *перетасовано,* по разным методикам и с самыми разными целями. И в любой момент это могло проявиться самым неожиданным образом, чего, каждый по-своему, опасались и Ляхов, и Шульгин, в разные моменты оказывавшие ей первую врачебную помощь…

О чём она сейчас думала? Да пожалуй что и ни о чём. Просто в душе как-то непонятно всё поплыло, смещаясь, путаясь. А возможно, как раз становясь на свои места. Она неожиданно почувствовала, что именно этого ей последнее время не хватало. Не надоевших светских развлечений и коротких, бессмысленных на самом деле *увлечений,* а чего-то в этом роде – подавляющего своей грандиозностью буйства стихий, безразличных к мелочным человеческим *суетам*.

– Ну, с прибытием, друзья, – сказал Воронцов, приблизительно догадываясь о мыслях и чувствах своих гостей. – Пойдёмте, Наталья ждёт. А на море через окна даже лучше будет любоваться. Надеюсь, морской болезнью никто не страдает?

При этом посмотрел почему-то на Эвелин, показавшуюся ему «слабым звеном».

Она и ответила:

– В Бискайском заливе на яхте не укачивало, надеюсь, здесь тем более…

– Вот и хорошо, значит, будем считать, вечер пройдёт без осложнений.

Спешить было некуда, поэтому и вечер, и весь следующий день провели на «Валгалле» в долгих застольных разговорах, безмятежном отдыхе в изумительных по комфорту и изяществу интерьеров каютах, вновь восхитивших даже Майю с Татьяной, хотя они в прошлый раз вроде бы попривыкли. Но времени с тех пор сколько прошло? Это как вернуться через два года из скромной квартирки какой-нибудь Кинешмы в парижский отель «Риц». Что же говорить об Эвелин, впервые столкнувшейся со стилистикой плохо ей знакомого девятнадцатого века, помноженной на достижения чужого двадцатого с кое-какими заимствованиями из совсем уже нездешней, инопланетной культуры.

Лихарев в своё время не счёл нужным рассказывать ей о скрытой, как обратная сторона Луны, составляющей своей прежней жизни, решив, что и того, что есть, вполне достаточно, чтобы девушка не жалела о решении покинуть «бель Франс» и превратиться в русскую аристократку.

Теперь, когда они лежали на огромной, «королевской» постели в спальне гостевой (*собственной* они пока не удостоились), то есть достаточно стандартной четырёхкомнатной каюты люкс, освещённой только светом бра, горящих в гостиной, ему всё же пришлось кое о чём рассказать, на ходу конструируя не слишком расходящуюся с действительностью, но и далеко не полную версию обстоятельств собственной жизни.

[36] См. «Бремя живых».

Звуки снаружи – свист ветра, удары волн о борта (гул машин многими палубами ниже сюда совсем не доносился, звукоизоляция переборок была почти идеальной) – только добавляли *настроения* и уюта. Покачивало, да, но совсем не сильно, и очень длинными, плавными килевыми размахами. «Валгалла» шла точно вразрез волне. Собственную тишину каюты нарушала только негромкая музыка из встроенных за декоративной обшивкой переборок динамиков системы, называвшейся в то время, когда Воронцов «строил» этот пароход, *квадрофонической*. На самом деле она была абсолютно полифоничной и создавала стопроцентно объёмный звук. Исполнялись мелодии из фонотеки «тех» шестидесятых и семидесятых годов, сильно отличавшихся от привычной Эвелин музыкальной культуры и настроением, и манерой исполнения. В её мире после Мировой войны эстетика свернула немного не туда. И не только в музыке. Здешняя ей нравилась гораздо больше.

Теорию множественности миров француженка благодаря своему образованию приняла вполне спокойно, обратив внимание только на последствия, из означенной теории вытекающие. В частности – существование «тайного ордена» (так Валентин для простоты назвал и «Братство», и аггрианско-форзелианский компонент), постигшего *высшую суть* данного феномена и на протяжении многих веков (!) занимавшегося поддержанием *статус-кво*. Проще говоря – предотвращением искажений и нарушений пресловутой Главной исторической последовательности злонамеренными или просто недостаточно *цивилизованными* для этого силами.

В принципе, и эта позиция была Эвелин понятна, она достаточно много знала о всевозможных жреческих сообществах, *просветлённых* личностях разных религий и культов, монашеских орденах вроде иезуитов, организациях типа известной в обоих мирах «Опус деи»[37] и тому подобных. И то, что она оказалась причастной к отряду ведущих, а не ведомых, её только обрадовало. И Дмитрий Воронцов с супругой произвели на неё крайне благоприятное впечатление.

Вообще жизнь для неё словно бы сразу наполнилась неким новым смыслом, которого прежде не хватало. Эвелин лишь осторожно высказала Валентину своё беспокойство по поводу дальнейшего: не приведут ли назревающие события к волне бедствий, способных смыть в океан неизвестности хрупкий островок давно уже балансирующей *на грани* европейской цивилизации. Изложенный с персидской образностью пассаж, явно навеянный тем, что сейчас творилось за бортом.

Лихарев постарался её успокоить, заверив, что, как любят выражаться русские, «всё под контролем».

Она решила, что этого достаточно, и больше забивать себе голову эсхатологическими проблемами не стала. У неё были собственные, посерьёзнее. Дело в том, что они с Валентином не совпадали темпераментами. Если Эвелин с удовольствием занималась бы *личной жизнью* и по два-три раза за ночь, а то ещё и днём, то Лихарева это мероприятие интересовало скорее эстетически, чем физиологически. Он вполне мог обходиться без этих *радостей* и неделю, и две, пока вдруг настроение не появлялось. Другая женщина не вынесла бы такого дисбаланса, но, как сказано выше, француженка была девушка практичная и считала, что достигнутое благополучие не стоит ставить под угрозу из-за подобной мелочи. Стремиться к желанной цели, конечно, нужно, но – без малейшего нажима. А то ведь эти русские совершенно непредсказуемы…

Она откинула лёгкое одеяло, опустила ноги на ковёр. Словно бы не обращая на присутствие рядом мужа никакого внимания, подошла к большому квадратному окну, несмотря на размеры способному выдержать даже прямые удары волн двенадцатибалльного шторма.

---

[37] Opus Dei (*лат.* «Божье дело»), полное название – Прелатура Святого Креста и Opus Dei, католическая организация, насчитывающая (официально) около 100 тысяч членов в 68 странах мира. Открыто не декларируемая цель – взять на себя ответственность за церковь и все значимые дела этого мира. Практика – формирование международных и национальных элит, через которые и осуществляется «достижение идеала».

Отдёрнула плотную, расшитую почему-то древнеегипетскими узорами и иероглифами штору. Снаружи не было видно почти ничего, только изредка в разрывах быстро летящих туч на минуту-другую проглядывала почти полная луна, освещая картину, способную наполнить ужасом сердца чуждых этой стихии людей, доведись им оказаться среди этих волн на чём-то не столь монументальном и надёжном, как «Валгалла».

Но не буйство стихий за бортом её сейчас интересовало. Она хотела, чтобы Валентин смотрел на неё в красивом, как раз так, как нужно, подсвеченном интерьере и возбуждался от желания, дорисовывая то, что скрывает полумрак и сиреневый шёлк пеньюара (а там, честно говоря, было чем полюбоваться почти каждому мужчине, кроме тех, что ошиблись с ориентацией). Раз уж она из одной сказки вдруг попала в другую, ещё более волшебную (а сколько их ещё? Минимум семь, как в русских матрёшках?), так надо, чтобы всё и шло по-сказочному.

Нужно признать, галльские женщины всё же кое в чём превосходят русских, пусть только в умении подать себя ненавязчиво и максимально эффектно (эффективно – тоже), независимо от качества «имеющегося товара». Эвелин не собиралась ждать милостей от природы и не считала зазорным брать их у неё силой, не думая о всяких феминистских глупостях. Мужчину нужно зажечь, и не так уж важно, каким именно топливом. А если будешь терпеливо ждать, когда он сам дозреет до того, чтобы упасть на одно колено и, прижав к груди (или – лбу) руки, умолять об… этом самом, так прождать можно слишком долго. До завтрашней ночи минимум.

Она повернулась и направилась поперёк спальни к двери в гостиную отработанной походкой, примерно такой, о которой говорила умная, циничная и *отвязанная* героиня Ремарка, Рене де ля Тур, кажется: «У вас должно быть такое чувство, что вы зажали между ягодицами монету в пять марок – а потом об этом забыли»[38].

Вернулась она совсем скоро, катя перед собой столик с серебряным подносом. Две чашки кофе со всеми полагающимися атрибутами, пепельница, пачка здешних сигарет из имевшегося в каюте совсем не «мини»-бара, и ликёр тоже местный, какого она раньше не пробовала, – «Вана Таллин», судя по этикетке – из разряда крепких, а раз содержался в здешнем баре, то и хороших.

Процессор, стихийно выбирающий из миллионов звукозаписей судовой коллекции подходящие к заказанной теме мелодии, как раз попал на с давних, очень давних лет любимое Лихаревым танго «Дым»[39].

И Эвелин мелодия сразу *зацепила*, хотя она-то в дополнительной стимуляции не нуждалась. Казалось, будто причудливые пассажи золотого саксофона выговаривают слова, очень точно передающие её теперешнее настроение.

А за этой мелодией пошла следующая, «Ночной Гарлем», так назвал её Валентин, и она тоже была совсем к месту, когда очень аккуратно, незаметным со стороны движением Эвелин помогла своему пеньюару соскользнуть с плеч. И сделала это с явным удовольствием – ей последнее время особо нравился вид собственного обнажённого тела. По причине климата, наверное, в России вся её галльская худоба, для приличия именуемая «стройностью», исчезла, фигура стала, как выражался Лихарев, «обтекаемой», при этом грудь увеличилась на два размера, сохраняя форму и изящество очертаний…

Ночью Воронцов резко сменил курс и на почти предельной скорости увёл пароход на норд-вест, за пределы штормовой полосы. Ближе к Соломоновым островам, под колпаком антициклона погода снова стала вполне курортной, с океаном синéе неба и редкими кучевыми облаками, своей белоснежной вычурностью оживлявшими бывший бы слишком уж моно-

[38] См. «Чёрный обелиск».

[39] В аранжировке Ф. Папетти 70-х годов называется «Smoke Gets in your Eyes». В русском варианте в конце 50-х годов имелся очень неплохой, грустно-трогательный текст на эту мелодию.

тонным без них пейзаж. Даже с высоты «Солнечной» палубы и с помощью очень хорошего бинокля ни по какому румбу не видно было самомалейшего творения человеческих рук – ни джонок китайских или малайских пиратов, ни парусников белых торговцев, ни уж тем более посудин посолиднее. Всё ж таки двадцатые годы двадцатого века за бортом, и маршрут адмирал проложил в стороне от сколько-нибудь накатанных морских путей.

– Какая прелесть! – воскликнула Эвелин, глядя за корму, на пенный кильватерный след. Ветерок был совсем слабый, у него едва хватало сил, чтобы вздувать невесомые женские юбки, а уже шестиметровой площади флаг из тонкой шерсти свисал с гафеля совсем неподвижно. Сейчас француженка была в самом лучшем из возможных расположении духа, ибо «ночь любви» у неё сегодня удалась сверх всяких ожиданий, а начинающийся день сулил исключительно новые радости и открытия.

Бывают такие дни, когда с самого начала знаешь, что не один год потом будешь с благодарностью и лёгкой печалью вспоминать «это», и ведь не ошибаешься…

– Скажите, а вам не становится скучно вот так всё плавать и плавать по морям? – вдруг спросила у Натальи Татьяна, когда они расселись за столом для достаточно уже позднего завтрака. – Сколько уже лет? Как Летучие Голландцы…

Воронцов только слегка хмыкнул, услышав вопрос, а Наталья Андреевна начала отвечать благожелательно и распространённо. На то и застольная беседа.

– Ты, Таня, немного заблуждаешься. Не такие уж мы «Голландцы». Тот, насколько я знаю, сходил на берег раз в несколько лет, на один вечер, и если не находил девушку, искренне согласную разделить с ним тяжесть наложенного на него наказания, снова уходил на новый виток кругосветки. По крайней мере, такова одна из легенд об этом недостаточно изученном персонаже. У нас всё с точностью до наоборот. Мы сходим на берег очень часто, и желающих походить по морям вместе с нами предостаточно. Не только из *своих*, есть достаточно очень достойных и интересных людей в этом Мире. Не так давно Николай Степанович Гумилёв с нами вокруг Африки обошёл, высшие чины Югороссии тоже не прочь нервы подправить в морской прогулке. Врангель был, Кутепов… Ты ведь не забывай, Дмитрий Сергеевич не только вице-адмирал Российского флота, а ещё и начальник службы тыла всего нашего «Братства» и отвечает за такое количество вопросов, что тебе и не представить. Он всегда на связи, всегда готов помочь каждому, где бы тот ни находился. Так что скучать не приходится. Кроме того, на нас содержание новозеландского Форта, освоение прилегающих территорий и постоянный подбор нужного персонала. Знала бы ты, какая у нас текучесть кадров…

– У вас? – искренне поразилась Татьяна. Она была уверена, что человек, которому повезло попасть в Форт или на «Валгаллу», по доброй воле никогда не откажется от такого счастья.

– А ты как думаешь? У меня есть хорошие вакансии. Найди мне несколько человек. На всём готовом и жалованье золотом… В разумных пределах, но больше, чем может заработать хороший человек честным квалифицированным трудом в любом другом месте.

Наталья вдруг стала похожа на себя саму, когда, до встречи с Дмитрием, работала несколько лет прорабом на московских стройках, в том числе и Олимпийских. Приходилось ей решать кадровые вопросы, с рабочими разговаривать на доступном им языке. Правда, в таком качестве никто из здесь присутствующих её не видел. По этой же причине, встретившись с «бывшим женихом», она с огромным облегчением согласилась быть только женой и ни разу за столько лет не пожалела об утраченной свободе и «женском равноправии». Здесь они, при некоторой общности судеб в молодости, с Татьяной расходились диаметрально.

– Беда в том, что мы приглашаем на вольнонаёмную работу в Форт в основном уроженцев или нашей реальности, романтиков-шестидесятников «последнего призыва», или аборигенов из Югороссии. Так вот, первым через некоторое время прискучивает уж слишком комфортная и благоустроенная жизнь, начинает тянуть на подвиги, причём в большинстве случаев именно

в Югороссии же, или даже в здешней, троцкистской РСФСР. Ну, это из тех, кто всё ещё мечтает о «социализме с человеческим лицом». Мы не только не препятствуем, а всемерно помогаем, сами понимаете, почему… А «местные» адаптируются хорошо и работают как следует, только все через несколько лет, поднакопив деньжонок, возвращаются в «большой мир». И это тоже полезно, расширяется круг людей, культурно и психологически превзошедших уровень пресловутого «тринадцатого года».

Шутка, увы, пропала впустую, никто, кроме неё и самого Воронцова, да и Лихарева, конечно, не понял, при чём тут именно «тринадцатый» год[40].

– А в остальное время мы много где бываем. Этот мир весь изъездили, в некоторых местах по месяцу и больше жили. Надоест – тогда дальше. Другие реальности тоже посещаем. Вплоть до того, чтобы на громкую премьеру в театр хоть у вас, хоть у нас сходить не затрудняемся. В «цивилизованных мирах» это просто – морем, а то и на самолётике до ближайшего аэропорта – и пожалуйста, Вахтанговский, Ла Скала, БДТ, Бродвей – на выбор. С паспортами и визами, сами понимаете, у нас проблем не возникает, особенно в реальностях, где не было Второй мировой…

[40] «Уровень тринадцатого года» – на протяжении всего периода Советской власти (73 года и 11 месяцев) от этой планки вполне официально измерялись все достижения и успехи. «По сравнению с тринадцатым годом уровень урожайности зерновых возрос на… или в…» «Продолжительность жизни в сравнении … выросла на…» И т.п. Практически в любом докладе или научной монографии такие пассажи встречались. Только числа подставляй. Одной темы никто и никогда не касался – соотношения *уровня свобод* в последний мирный год «военно-феодального самодержавия» и «тюрьмы народов» с любым советским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.